

Любовь за гранью 7. Осколки безумия

Автор:

Ульяна Соболева

Любовь за гранью 7. Осколки безумия

Ульяна Соболева

Любовь за гранью #7

Он не умеет прощать. Таков его крест и проклятие. Зверь внутри него возродился, оскалился и готов к кровавому пиршеству, лишь остатки воли держали монстра на цепи, железные кольца которой лопались одно за другим. Осколки безумия в адском калейдоскопе сложились в приговор – ОНА СВОБОДНА! И свобода ли это, для той, кто любит его больше жизни? Но разве это имеет значение для зверя? Его любовь страшнее ненависти. Его месть сжигает все на своем пути.

Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Любовь за гранью 7. Осколки безумия

ПРОЛОГ

Я не знаю, в какой момент из ребенка ты превратилась для меня в женщину. Когда это произошло? Я задавал себе этот вопрос десятки тысяч раз и никогда не знал правильного ответа. Я увидел тебя первый раз в день твоего совершеннолетия. Как же я тогда был зол. Я просто озверел после разговора с твоим отцом, после жалких попыток твоей матери отрицать, что между нами что-то было. Я все еще был в нее влюблен тогда. Хотя...спустя много лет, я все же склонен думать, что мне просто хотелось отобрать у Влада все, что принадлежало ему, и ее тоже. Навязчивая идея, эгоистичная ревность. Тогда я не знал, что такое любовь. Помню, как увидел тебя в том сиреновом платье. Худенькая, хрупкая, глаза горят. Но ты уже тогда знала, чего ты хочешь, в отличие от меня. Ты хотела всего, безоговорочно, с первого взгляда ты решила, что я буду твоим. Самое интересное, что ты единственное существо женского пола, которое я не пытался соблазнить. Тогда мне это даже в голову не пришло... Помню, как сказал тебе:

– Они сейчас очень заняты, погуляй пару часиков, а потом можешь идти в кабинет.

Ты так и осталась стоять, не сводя с меня пристального взгляда изумительных глаз.

– Кто Вы?

Я засмеялся, этот вопрос показался мне забавным:

– Демон ночи из твоих самых страшных кошмаров, малыш.

– Я не малышка – сегодня мне исполнилось восемнадцать, – ответила ты со всей серьезностью и обидой.

Я помню, что смотрел на твое лицо, в твои глаза и смеялся над тобой. А нужно было смеяться над собой. Потому что ты всегда держала себя в руках, а я...я превратился в безумца и в твоего раба в ту самую секунду и навечно. Маленькая женщина, мне даже показалось, что ты смотришь на меня с нескрываемым интересом. А ты помнишь этот день, малыш? Помнишь, как мы встретились

первый раз?

Николас наполнил бокал янтарной жидкостью и жадно затянулся кубинской сигарой. Осоловевшим взглядом он смотрел, как шесть полуобнаженных танцовщиц извиваются, словно клубок змей на освещенной красными прожекторами маленькой сцене. Он был пьян. Мертвецки пьян. Давно он так не напивался, с тех пор как...От воспоминаний по его жилистому телу прошла едва заметная дрожь... Он потянул ворот белой рубашки, словно задыхаясь...

{– Я не девочка! Я не малышка! Когда ты это поймешь, наконец?! Не притворяйся, что ты ничего не видишь, все ты понял. Давно понял. Скажи мне правду. Скажи, что я тебе не нравлюсь. Скажи, что я серая мышь, что я не красивая. Что, по сравнению с моей матерью, я полное ничтожество. Давай. Ты же смелый, ты сильный, ты ничего не боишься. Скажи, что ты меня не хочешь.

Не хочу тебя? Да у меня тогда крышу снесло. Увидел тебя в этом гадюшнике, от ревности захотелось загрызть их всех. Каждого, кто просто посмел на тебя посмотреть. Вудворта, суку, который привел тебя в это место. Ты хотя бы видела себя со стороны? В тех обтягивающих штанах и легкой блузке? Ты не надела нижнего белья, и контуры твоей груди обрисовывались под тонкой материей. Я мог бы вырвать им глаза.

– Ненавижу! Ненавижу!

Я не помню, как я это сделал, меня уже ничего не могло остановить, прижал тебя к себе, и все, тормоза отказали. Я пытался, но ты так пахла, ты благоухала чистотой и невинностью, и меня это сводило с ума, будило самые темные желания. Какая нахрен совесть, когда я чувствую твой запах, чувствую, как сильно ты меня хочешь.

– Дурочка. Маленькая, глупая дурочка. Ты красавица. Ты чудо. Ты ангел. И еще ты сегодня обещала, что никогда не сможешь меня возненавидеть.

– Я не хочу быть ангелом, – прорыдала ты, а я смотрел, как по твоим щекам катятся слезы, и ненавидел себя, – Я хочу быть твоей, слышишь, я просто хочу быть твоей.

МОЕЙ? Я верил, что ты моя. Всегда в это верил. Только сейчас я понимаю, что ты никогда мне не принадлежала. Я держал тебя рядом столько, сколько смог. Теперь ты или уйдешь, или умрешь. Третьего не дано.

– Я не ребенок! Не ребенок. Я знаю, чего хочу. А ты?! Тебе все равно. Даже если я буду с кем-то другим. С Майклом, например, ты даже не заметишь. А знаешь, это хорошая идея, – прокричала ты сквозь слезы, – Почему бы не позволить ему... Он хотя бы не видит во мне малышку.

Когда ты это сказала, я потерял контроль, отдал его тебе полностью. Ты вынесла нам обоим приговор именно в этот момент. Я бы не уступил тебя никому. Я бы просто убил Вудворта еще тогда. А потом я впервые ласкал тебя, впервые касался твоего тела, дьявол, девочка, ни с кем и никогда я не сходил с ума так, как с тобой...

Я боялся, что ты будешь жалеть. Я так дико этого боялся, ты даже не представляешь.

– Никогда. Никогда я не пожалею ни об одном твоём прикосновении.

– Дурочка, какая же ты дурочка...

– Я тебя уничтожу...Зачем?! Я превращу твою жизнь в ад...

– Мне все равно. Я хочу быть с тобой. Пусть недолго. Пусть мимолетно... Не отталкивай меня... Прошу тебя... не отталкивай!

– Ты сошла с ума, а я вместе с тобой.

– Я сошла с ума, когда впервые тебя увидела.

А я именно в этот момент понял, что никогда не отпущу тебя. Я ошибался. Я всегда с тобой делал самые грубые, самые нелепые ошибки. Самой большой из них была вера в твою любовь. Зверь осмелился думать, что попал в Рай. На самом деле я оказался в Аду. Еще никогда я не балансировал на грани безумия, как в те годы, что мы провели вместе. Я был для тебя кем угодно: и мужем, и любовником, и даже палачом. Если я не отпущу тебя сейчас – я просто убью нас обоих. Для меня нет ничего святого, ты же знаешь. Меня ничто не остановит. Я уже близок к этому, близок настолько, что мне становится страшно}.

Николас достал из внутреннего кармана куртки свернутые в трубку бумаги и разложил на столе. Он долго рассматривал документы, потом склонился вперед и в несколько глотков осушил остатки виски, достал из кармана шариковую ручку. Слегка пошатываясь над столом, Ник размашисто поставил внизу документа свою подпись и истерически захохотал настолько громко, что посетители начали на него оборачиваться. Он содрал с безымянного пальца обручальное кольцо, положил на столешницу, несколько секунд рассматривал его, а потом смел тыльной стороной ладони, и перстень покатился между столами.

– Ты свободна, Марианна... Да, мать твою... ты, нахрен, теперь свободна... как и я.

Все еще продолжая смеяться, он сунул бумаги обратно в карман. Закурил еще одну сигару. Мимо него прошла официантка, виляя бедрами, придерживая стеклянный поднос с пустыми бокалами. Ник схватил ее за руку:

– Детка, принеси мне еще виски.

Девушка склонилась к нему и кокетливо облизала губы:

– Только виски, Ник?

Мокану откинулся на спинку стула. Он посмотрел помутневшим взглядом на ее губы, потом на круглую пышную грудь, едва прикрытую узким топом, расшитым блестящими стразами. Улыбнулся уголком рта и притянул ее к себе за резинку серебристых трусиков, поднял голову и, сильно затягиваясь сигарой, хрипло сказал:

– Не только...ты можешь мне отсосать...

Глава 1

– Какого черта здесь происходит? Какого дьявола меня к ней не пускают? Фэй!

Фэй и Влад не двигались с места, они заслоняли дверь в комнату Марианны и не пускали разъяренного Мокану.

– Почему вы мне ее не показываете, я мог первым зайти в это проклятую спальню!

– Если бы не напивался сейчас на веранде, да, мог. Но ты был занят тем, что опустошал очередную бутылку Лейбла.

Удар ниже пояса, но справедливый. Ник поморщился, да он, мать их так, уже протрезвел.

– Какое это имеет значение! Я должен ее увидеть первым! Понимаешь, Влад! Я должен! Или вы что-то от меня скрываете? А Фэй? – его голос срывался, в глазах застыл страх и недоумение. Фэй взяла его за руку:

– Нельзя, понимаешь? Пока что нельзя. Мы ничего не скрываем, Марианна пришла в себя.

– Если ей лучше, то какого дьявола я не могу быть рядом с ней?

Николас сбросил руку Фэй и нахмурился.

– Чего ты не договариваешь, Фэй? Что происходит? Чего я не знаю?

– Ник, Марианна очень слабая. Мы не знаем, насколько она истощена, что помнит, а чего не помнит. Позволь мне сначала удостовериться, что с ней все нормально, провести необходимые анализы, и только потом ты сможешь к ней войти. Мы совершили невозможное. Мы испробовали на Марианне нашу разработку. Наш проект, который даже еще не успел пройти испытания. Регенерация ее разрушенного комой мозга проходит очень медленно. По этапам. Пересадка печени и переливание крови совершили чудо, но есть законы природы даже у таких существ, как она. Мозг восстанавливается сам, очень быстро, мы выращиваем его, как зародыш в пробирке, разница лишь в одном, что это не пробирка, а тело твоей жены. Когда она придет в себя, то ее психика будет чувствительней, чем у младенца. Любое потрясение может вызвать необратимые последствия вплоть до разрушения клеток. Мы должны оградить Марианну от любых волнений.

Николас слушал молча, а потом вдруг тряхнул Фэй за плечи:

– Я ждал чертовых четыре месяца, пока вы боролись за ее жизнь, я молчал и сходил с ума, не зная, какую новость вы мне принесете, каждый раз, когда вы выходили из этой проклятой комнаты. Я терпел. Но сейчас Я ХОЧУ ЕЕ ВИДЕТЬ! Просто видеть и все! Я ХОЧУ...

Влад сильно сжал плечо брата и рывком повернул к себе:

– Ты хочешь? Что сейчас важнее, Николас? Твои желания или жизнь Марианны, которая все еще слишком хрупкая? Какие ценности перевесят? Твоя капризная настойчивость или здравый смысл?

Взгляды братьев пересеклись. Скрестились в немой битве, засверкали, но через время глаза Николаса погасли.

– Я подожду..., – обреченно сказал князь, – Ты прав, сколько нужно ждать?

Фэй тяжело вздохнула.

– Не знаю. Все прошло как нужно. Весь организм функционирует. Сердцебиение. Легкие. Все работает. Сейчас я сняла капельницу, реакция нормальная, но аппетита пока нет. Ее вампирская сущность дремлет, сейчас Марианна человек беспомощный, ранимый и очень слабый, и этот процесс нельзя ускорить. Ее организм может не выдержать нагрузки, любой нагрузки, а уж тем более переход из одной сущности в другую.

– Мама! – голос Марианны заставил его вздрогнуть.

Фэй бросилась в комнату, а Ник стиснул челюсти и кулаки, когда за ней захлопнулась дверь.

Николас посмотрел на Влада, потом на Кристину и Габриэля. У всех во взгляде читался страх. Они молчали. Николасу показалось, что у него в голове секундная стрелка, и она тикает очень медленно, превращая каждое мгновение ожидания в вечность. Наконец-то появилась Фэй, и на ее лице сияла улыбка:

– Марианна пришла в себя. Где Лина? Марианна хочет ее видеть немедленно.

Послышался вздох облегчения.

– Она хочет видеть вас всех.

Кристина и Влад пошли к двери, Ник и Габриэль за ними, но Фэй удержала Мокану.

– Ник, тебе лучше обождать снаружи. Габриэль, ты тоже останься. Слишком много информации ей сейчас ни к чему.

Сердце Николаса замедлило бег. Он смотрел на Фэй и понимал – происходит нечто, что перевернет его жизнь, его всего. Что-то неминуемое и неотвратимое.

– Ник, я хочу кое-что тебе сказать. Давай отойдем.

– Что случилось? Что с ней? Не томи меня Фэй, я сейчас взорвусь. С ума сойду, у меня уже мозги вскипели.

– Пока Марианна была без сознания, случилось нечто странное. Ты ведь помнишь, что я никогда раньше не могла проникнуть ни в ее мысли, ни в ее воспоминания. Помнишь?

Ник кивнул, ему казалось, что он медленно летит в пропасть, ручейки холодного пота катятся по спине.

– Так вот, сейчас я без труда читаю ее мысли и вижу ее воспоминания. Она изменилась, Ник. Она больше не падший ангел, она больше не то существо, коим являлась. Марианна – человек. Пока что человек. Хрупкий, как ребенок, но человек. Ее плоть. Ее сознание, психика. Все людское. Она будет меняться, после того как окрепнет, но сейчас это невозможно и не желательно. Ее ничто не блокирует. Это странно, непонятно, но факт. Возможно, изменения происходят с Ангелами не сразу. Мне не известно ничего об их сущности, как влияют те изменения в ее организме. Но сейчас – это Марианна. Настоящая. Такая, какой она была до встречи с тобой, и до слияния с душой Анны.

– Ты видела ее воспоминания? – тихо спросил Ник, чувствуя, что через несколько секунд он получит удар под дых. Сильный удар. Но такого не ожидал даже он.

– Да, я видела... Ник...она помнит все до своего восемнадцатилетия. Всю свою жизнь, когда она была человеком. Только тебя там нет, понимаешь? Тебя нет в ее воспоминаниях. Ты для нее еще не существуешь. Ни ты, ни ваши дети, ни даже я и Самуил. В сознании Марианны она – семнадцатилетняя девушка, немного странная, немного легкомысленная. Тебя больше нет в ее жизни, как и всех нас. Наберись терпения. Возможно, память вернется к ней. Она нуждается в нашей поддержке, особенно в Лине. Кстати, ты не знаешь где она? Никто не может ее найти.

Я открыла глаза. Какой жуткий сон. Господи, как я не умерла от ужаса? Я подскочила на постели и увидела, что на пороге моей спальни стоит женщина в белом халате. Я взвизгнула и натянула одеяло по самые уши.

– Марианна!

Женщина села на краешек моей постели. Она выглядела очень взволнованной, испуганной и в тоже время счастливой. Врачи обычно не настолько эмоциональны. Но если это врач, то тогда где я? Утро. Сегодня выходной, можно было еще поваляться в постели. Через два дня у меня день рождения. Черт, что ж это башка так болит... Кошмар. Я тронула затылок и тут же одернула руку. У меня голова забинтована? О, господи, и капельница в руке. Что, черт возьми, происходит? Где я? Я удивленно трогала полностью забинтованную голову.

– Что со мной? Кто Вы?

В этот момент забежал отец, Кристина и какие-то люди, которых я не знаю. Доктор или медсестра, шикнула на них, замахала руками, заставляя уйти, и повернулась ко мне. Ее лицо казалось смутно знакомым, но как я не напрягалась, я так и не смогла ее вспомнить. В комнате остались только папа, эта женщина и я.

– Все хорошо. Просто ты..., – голос отца доносился издалека. В его глазах застыли слезы. Боже, что я уже натворила?

– Попала в аварию, – завершила его фразу женщина в белом халате.

В аварию? Когда? С кем? Черт, я совсем ничего не помню.

– Я не помню этого, – прошептала и легла обратно на подушки. Голова начинала болеть сильнее. Я поморщилась, но терпела.

– А что ты помнишь, милая? Расскажи нам свои последние воспоминания, – попросила женщина.

Что я помнила? Хороший вопрос. У меня в голове какая-то каша. Полная неразбериха.

Вчера я была на встрече выпускников. Мы собрались в модном клубе. Я не хотела идти, но Тина уговорила меня и сделала мне прическу. Да, точно, вчера мы были в клубе. Я даже выпила немного шампанского. Некоторые притащили своих парней, а я, как белая ворона, сидела в стороне и смотрела на общее веселье. Впрочем, как всегда. По сравнению со своими одноклассницами я

неприметная серая мышка. Особенно на фоне Светы. Местной звезды. Да еще и Ксения как назло притащила своего братца. Его только здесь и не хватало. Этого Виктора. Начинающий рок-певец. Вик. На три года старше нас. Когда-то я была в него влюблена. Впрочем, ни тогда, ни теперь я его совершенно не интересовала. Я ушла раньше всех. Надоело смотреть, как Светка с Виком обмениваются многозначительными взглядами. Мои воспоминания обрываются на том моменте, как я вышла из здания ночного клуба. Вот и все что я помню. Не много. Они говорят, что я попала в аварию. Когда? Почему?

– Я помню, что завтра мне должно исполниться восемнадцать, – тихо прошептала я и, увидев, как побледнели их лица, испугалась:

– Что-то не так, да? Со мной, что-то не так? Где мама? – я беспомощно смотрела на них, начала нервничать, голова болела еще сильнее. Запищал датчик. Женщина в белом халате тут же юркнула к приборам. Потом подошла ко мне.

– Голова сильно болит?

Я кивнула.

– Сейчас, милая. Я дам тебе лекарство, и станет легче. Тебе нельзя нервничать.

Женщина действовала на меня успокаивающе. Ее голос, прикосновения.

– У меня пропала память? Сколько дней я тут пролежала?

Отец с волнением бросил взгляд на женщину в белом халате, и та ответила вместо него:

– Марианна, ты пролежала в коме больше трех месяцев. Ты перенесла несколько операций очень опасных и тяжелых.

Я невыносимо захотела сгрызть все ногти. Они что-то скрывают. Я видела по их лицам.

– Я многое забыла, да? Наверное, пару месяцев пропускаю... что, больше? Сколько?

– Милая, ты пропускаешь семь лет, – сказал отец и погладил мою руку.

СЕМЬ ЛЕТ?! Я не помню семь лет своей жизни? Я чуть не подскочила на постели, но ласковые руки женщины-врача уложили меня обратно, она протянула мне одноразовый стаканчик с темной жидкостью.

– Выпей, голова перестанет болеть.

Я послушно выпила и легла на подушки.

– Где мама?

– Мы ее ищем...у нас эээ. Событие важное. Кристина вышла замуж за Габриэля, и мы празднуем ее свадьбу. Возможно, мама поехала отвезти кого-то из гостей.

"Свадьба? Габриэль? Черт возьми, что же это со мной? Почему я ничего не помню? Где эти чертовы воспоминания? Где они?"

– Не пытайся. Сейчас это не сработает. Дай себе отдохнуть. Живи обычной жизнью. Той, которую ты помнишь, а воспоминания вернутся. Вот увидишь. Я знаю, что ты чувствуешь сейчас.

Я бросила взгляд на врача:

– Все знаете, да? Самая умная? Думаете, если носите белый халат – Вы Бог? Кто Вы вообще такая, чтобы судить о том, что я чувствую?

– Милая, – отец ласково мне улыбнулся, – Это твоя тетя. Фэй. Помнишь, я тебе о ней рассказывал.

Моя тетя Фэй? Так, это интересненько. Та самая тетя, которая слала мне открытки и подарки и никогда не приезжала. Видимо, вся семейка уже давно в сборе, а я, черт подери, ничегошеньки не помню. СЕМЬ лет. Это значит, что мне сейчас уже двадцать пять? Кто я? Где я живу? Кем работаю? Чем занимаюсь по жизни?

– Пап, как же так? Семь лет – это так много, это целая жизнь.

Отец бросил взгляд на...как ее зовут? На... Фэй. Какое странное имя.

– Маняша, ты скоро вернешься домой. Мы все тебе расскажем.

– Да. Если все пойдет хорошо, мы сделаем пару анализов и отпустим тебя.

Пару анализов и отпустят. Значит, я все еще живу с родителями? У меня нет мужа, нет семьи, и я живу с ними. Хмм. Можно было в этом не сомневаться. Никто бы и не женился на таком синем чулке, как я. С обгрызенными ногтями, худющей, как скелет, и длинной, как шпала. Ну, хотя бы здесь в моей жизни ничего не изменилось.

– Я закончила институт? Я вообще работаю?

– Да, ты работаешь со мной. Переводчиком. Помогаешь переводить документы.

Они говорили натянуто, как роботы, словно обдумывая каждое слово. Мне вообще они казались странными, не похожими на себя. Я даже не знаю, как это объяснить. Слишком красивыми, яркими, броскими. Как нарисованными. Черт, с моей головой явно далеко не все в порядке. Я потрогала бинты.

– Как я выгляжу? Меня постригли, после аварии у меня шрамы... Я уродливая?

В этот момент отец наконец-то рассмеялся. Наверное, это было в последний раз, когда я увидела его улыбку. Тогда еще никто из нас не знал, что уже через пару часов наша жизнь изменится. Особенно для отца.

– Ты красавица, Марианна. Ты просто удивительная красавица. Фэй, дай Маняше зеркало. Пусть она увидит, что мы от нее ничего не скрываем.

Мне принесли аккуратное овальное зеркало и дали в руки. Я долго не решалась посмотреть на свое отражение, а когда решилась, то увидела не совсем то лицо, к которому привыкла. Я изменилась. Нет, я не могу сказать, что выгляжу намного старше. Просто лицо другое. У меня не может быть такого лица. Я ведь всегда была серой мышью, а сейчас на меня смотрит красивая и уверенная в

себе молодая девушка. Немного испуганная, но довольно симпатичная. Что ж, такие перемены меня устраивали.

– Ну как? – Фэй улыбалась и отец вместе с ней.

– Ничего. Лучше, чем было. А волосы мне срезали совсем? Налысо что ли?

– Нет, не налысо. Все будет в норме, когда снимем повязки.

Я повернулась к отцу:

– Пап, Кристина, как вы говорите, вышла замуж... А я... у меня кто-то есть?

Снова эти взгляды, паузы, нерешительность.

– Нет. У тебя никого нет. Был один парень, но вы расстались.

– Что за парень? – оживилась я.

– Не помню, как его звали, ты привела его в дом всего пару раз, и мы не рассмотрели и...

Он лгал. Точно лгал. Я бы первым делом познакомила своего парня с родителями. А уж отец не только узнал бы его имя, а знал бы имя его прабабушки и всю родословную, начиная с пятого колена, даже имя его кошки или собаки. Только зачем они лгут? Наверное, он меня бросил, и сейчас они щадят мою психику. Я ж типа больная, после операции и вообще... все ясно. Сегодня я многого не добьюсь. А голова и правда перестала болеть.

Фэй укрыла меня одеялом.

– Сейчас начнет действовать лекарство, и ты уснешь. Родители придут к тебе после того, как ты проснешься. Если все будет хорошо, и начнешь питаться, вставать с кровати, то уже завтра они смогут забрать тебя домой.

Слышала, я ее уже как сквозь вату. Я засыпала... Веки сами слипались.

Только перед сном я успела подумать об одном... Если меня заберут домой, и сейчас я не в больнице, то тогда где я?

Николас сверлил глазами дверь, силясь услышать, что за ней происходит, но Фэй, маленькая ведьма, поставила заклинание. До Ника не доносилось ни звука. Наконец-то они вышли. И судя по их лицам, у Марианны все хорошо. Только почему на него они смотрят с нескрываемым сожалением.

– Ну, как она?

От нетерпения покалывало затылок.

– Хорошо, Ник. С ней все в порядке, она даже шутит и улыбается.

Улыбается... его девочка. Он готов дьяволу душу продать, чтобы снова увидеть ее улыбку. Почувствовать ее запах, прикоснуться к ее щеке. Сердце болезненно заныло.

– Она вспомнила обо мне?

Влад нахмурился, а Фэй отвела глаза в сторону.

– Значит нет... Вообще не помнит?

– Как тебе это объяснить. Марианна помнит себя до своего дня рождения. В той жизни ты еще не появился в нашем доме. Понимаешь? Она, конечно, знает, что ты существуешь, но не знает, как ты выглядишь. Ник, нам нужно многое обсудить. С этого момента жизнь Марианны и наша жизнь, ее близких, сильно изменится.

– Это я уже понял. Но ничего, она увидит детей и все вспомнит, – оптимистично заявил Николас.

– Нет, Ник. Марианна поедет к нам домой, – сказал Влад и тяжело вздохнул.

– Не понял!

Ник начинал терять терпение, возникло непреодолимое желание выбить дверь к такой-то матери, послать всех нахрен.

– Марианна не знает о том, что ты ее муж, о том, что у нее есть дети, она даже не знает, что мы все не люди. Более того, я думаю, что и об удочерении ей все еще не известно. Она живет в другом мире. Беззаботном мире смертных. Нельзя все это вывалить на нее сразу. Нужно постепенно. Скармливать ей информацию по крупице. Любое волнение может все испортить, повернуть процесс восстановления вспять. Даже убить ее.

Ник бледнел все больше, он понимал. С трудом, но понимал. Они сейчас говорят ему, чтобы он не лез. Что они сами разберутся. Без него. Впрочем, как всегда. Добро пожаловать в прошлое, предводитель Гиен, аутсайдер и ничтожество.

– Марианна моя жена! Если ты не забыл, Влад. Она мать моих детей, и она останется дома! Ясно?! Вместе мы все вспомним!

Влад на этот раз не вспыхнул, он положил руки на плечи Ника и заглянул ему в глаза:

– Марианна прежде всего мой ребенок. Слабый, хрупкий и беспомощный. Ей нужно прийти в себя, привыкнуть к окружающему миру. Ее нужно постепенно ввести в курс всего, что происходит. Дать ей время, Ник. Представь, что это твоя Камилла сейчас в таком состоянии. Как бы ты поступи? Как бы поступил не Николас – муж, а Николас – отец?

Ник умом понимал, а сердцем... ему хотелось выть, рвать на себе волосы, орать. Он соскучился, он настолько истощен морально, что сил ждать, особенно понимая, что Марианна снова с ним, не осталось.

– А дети? Они не смогут так контролировать себя, как мы. Особенно Камилла.

– Сэми переедет на время к Кристине. Вместе с Велесом им не будет скучно. Тем более скоро они уйдут в горы тренироваться вместе с Габриэлем. Камилла может поехать к Мстиславу с Дианой. Она этого жаждет больше всего на свете,

и ей там будут рады. Особенно Диана, которая изнывает от скуки, пока Мстислав решает наши дела в Лондоне. Тем более там Анечка. Они одного возраста.

– Значит, вы уже все решили? – это была не ярость, а отчаянье. Глухое, непробиваемое отчаянье. Он как всегда вне игры. Его уже выбросили за борт.

Фэй взяла его за руку и крепко сжала.

– Ник, успокойся, хорошо? Просто успокойся. Ты должен понять одно – мы не против тебя, мы против волнений для Марианны. Сейчас вернется Лина, и мы все обсудим. Неужели ты не можешь подождать? Что значат недели и месяцы в сравнении с вечностью, которая ждет вас вместе? Марианна твоя жена, она любила тебя всегда так сильно, как не умеют любить ни смертные, ни бессмертные. Она вспомнит. Вот увидишь.

– А если нет? Если не вспомнит, Фэй? Если вместе с воспоминаниями пропало все?

Все сомнения и страхи выплеснулись наружу, Ник уже не скрывал своего отчаянья.

– Дай время. Не дави. Дай ей время.

– Когда я ее увижу?

– Очень скоро. Завтра, если все будет хорошо, она вернется домой. Вечером мы отметим ее выздоровление в узком семейном кругу. Ты ее сможешь увидеть. Хорошо? Завтра. Потерпи до завтра, до утра.

Но завтра наступило не для всех. Через три часа Серафим сообщил о том, что в склепе ликанов обнаружено тело Лины. Их жизнь уже никогда не станет прежней. Они погрузились во мрак. Все. Включая самого Ника.

Нику казалось, что он заснул за все пятьсот лет своей сущности, и ему снится кошмар. И самое страшное, что он не проснется. Реальности просто нет. Вместо нее есть черная дыра, и она засасывает их всех в проклятую пустоту. Они ехали в машине, молча. Вел как всегда Ник. Влад сидел рядом с ним. Позади Кристина с Габриэлем. Какая ирония. На ней все еще свадебное платье. Ник бросал на брата тревожные взгляды, но король оставался бесстрастным. Никто не верил. До последнего. Даже Ник. Хотя Серафим не мог ошибиться. Более того, он сообщил, что провел все необходимые манипуляции по реанимации. Королевская семья имела удивительную привилегию – ищейки носили при себе черный ящик с пробирками, содержащими пробы крови каждого члена королевской семьи. В таких ситуациях, как эта, можно вернуть к жизни кровью близкого родственника в течение часа после смерти вампира. К сожалению, они опоздали.

Ник вел машину по инерции. Потому что надо. Потому что кто-то должен. Фэй осталась с Марианной, которая не знала о страшном известии. Ник не хотел думать о том, что будет с его девочкой, когда ей сообщат о смерти Лины. Смерть. Сколько раз он слышал это слово за долгие годы своей вечности, и лишь дважды он его боялся. Сейчас настал третий раз, смерть коснулась их снова черными липкими щупальцами, коснулась всех. Ник посмотрел в зеркало дальнего обзора. Крис не двигалась, застыла как каменное изваяние и вцепилась в руку Габриэля. Хотя бы за нее можно быть спокойным. Вольский будет рядом. Соберет ее по кусочкам, если понадобится. Марианна пока что в неведении. Как долго? Несколько часов у них есть. Больше всего беспокоил Влад. На него было страшно смотреть. Нет, он не бился в истерике, не нервничал, он выглядел слишком спокойным. Это и настораживало больше всего. Они затормозили возле нескольких полицейских машин, территорию склепа оцепили и оградили желтыми лентами. Еще никого не допускали: ни журналистов, ни человеческих полицейских. У Серафима все под контролем. Вначале королевская семья должна дать согласие на огласку, и только потом здесь начнется привычная процедура расследования, допустят репортеров и журналистов. Влад первым вышел из автомобиля. Серафим шел ему навстречу.

Но Влад прошел мимо, Ник последовал за ним, обернулся к Габриэлю и кивнул в сторону Крис. Пусть придержит ее. Потом впустит. Не сейчас. Они отодвинули каменную дверь склепа и вошли внутрь. Тут же замерли – повсюду свечи. Влад пошел вперед. Ник уже видел два тела. Мертвая Лина лежала прямо на

могильной плите, ее глаза были широко распахнуты, на лице застыло странное выражение умиротворения. Словно она, в момент смерти, испытала невероятное облегчение. Тело Марго лежало неподалеку, на боку, в луже черной крови. Ник стал позади Влада и положил руку ему на плечо. Прошло несколько минут. Оба молчали. Ник судорожно глотнул воздух. Ему стало страшно. Невероятное чувство дикой пустоты. Когда-то Лина значила для него очень много. Несмотря на то, что его любовь к ней переросла в братскую, он помнил о своих чувствах. Она была дорога ему. Слезы застряли в горле. Он не имел права сейчас плакать, рядом с Владом, которому больнее в тысячу раз. Ник сильнее сжал плечо брата.

– Оставь меня с ней ненадолго, – голос короля скорее напоминал тихий шелест. Ник кивнул сам себе. На негнущихся ногах вышел из склепа, и ему тут же захотелось зажать уши руками.

– Пусти меня! Пусти меня к ней, Габриэль...сейчас, я хочу...пусти...

Крис билась в руках мужа, а тот упрямо сжимал ее в объятиях и не давал вырваться, по его щекам текли слезы. Ник видел, что сам Габриэль едва держится. Ник пришел ему на помощь, привлек Кристину к себе.

– Тихо... тихо...Ты увидишь ее. Мы все с ней попрощаемся.

– Нет! Нет! Я не хочу прощаться, черт тебя раздери! Вы лжете! Вы просто ...

– Крис, посмотри на меня, – Ник сжал руками залитое слезами лицо, – Отец хочет побыть с ней наедине. Пару минут. Прошу тебя...дай ему пару минут.

Крис обмякла в его руках и застонала, обхватив шею Ника. Мокану посмотрел на Габриэля. Тот держался. С трудом, но держался.

– Почему, Ник? Почему Марго это сделала? Почемууу... это я виновата...это моя вина...я.

– Ты не виновата, Крис.

Они обернулись и увидели Фэй, она стояла позади них бледная, дрожащая.

– Это мы...мы убили Витана. Я и Лина.

В этот момент Влад вышел из склепа с телом жены на руках. Ветер трепал его длинные волосы и зеленое шелковое платье Лины. Влад укутал ее в свой плащ.

– Мы увозим ее домой, – сказал он Серафиму, и тот кивнул. Дал распоряжение снять оцепление и распустить всех по домам. Кристина подошла к отцу и обняла их обоих. Несколько минут они стояли втроем, в тишине. Душераздирающее зрелище. Ник еще никогда не чувствовал горе настолько. Даже смерть отца не потрясла его так, им двигали ярость и желание мстить. Самое страшное, что сейчас им некого ненавидеть, и вся боль подтачивала изнутри ядовитым червем безнадежной усталости и отчаянья. Лина...рыжая бестия, которая невольно вернула его в лоно семьи. Из-за нее он начал меняться и понимать иные ценности в жизни. Благодаря ей Ник стал тем, кто он сейчас. Никто не смел нарушить тишину. Все, словно, замерли.

Пока где-то рядом не щелкнул фотоаппарат. Через секунду репортер уже замертво упал в траву, а еще через несколько минут чистильщики вынесли его тело, упакованное в мешок для трупов. Ник проводил их взглядом и вытер окровавленный рот тыльной стороной ладони. Убийство принесло короткое облегчение. Мимолетное, как глоток воды в мертвый зной.

– Я сам скажу Марианне, – нарушил тишину Влад, прижимая к себе труп жены и глядя пустыми глазами в никуда.

– Нельзя говорить, – прошептала Фэй, сдерживая слезы.

– Она должна знать. Мы обязаны сказать. Она имеет право попрощаться. У нее есть всего час до восхода солнца.

Все знали, что с первыми лучами тело Лины превратится в пепел. Ник вцепился в руль и стиснул челюсти. Кристина уже не кричала, она плакала молча, гладила Лину по голове и тихо всхлипывала. Габриэль крепко держал ее за плечи.

Фэй сидела рядом с Ником. Она больше не произнесла ни слова. Только Ник все еще слышал ее признание. Они убили Витана. Вот почему Марго так жестоко

отомстила. Когда-нибудь Влад об этом узнает.

Ник метался как зверь в своей спальне, он слышал крики. Слышал, как Марианна кричит, и его сердце выворачивало наизнанку. Твою мать, почему он не может быть рядом в этот момент? Он бы успокоил ее, поддержал, он бы...черт, он бы носил ее на руках как ребенка, он бы вытирал ее слезы и не отходил ни на шаг. Он бы прошел через это вместе с ней. Слышались быстрые шаги по коридорам, хлопанье дверей, тихие голоса. Внизу скрипели покрышками подъезжающие автомобили. Все собирались проститься. Они привыкли. Похороны у вампиров всегда стремительные. Нет времени подготовиться, нет времени оплакать, иначе хоронить будет некого. Это знали все. Суэта заставляла забыть о горе.

Но не его. Ник судорожно сжимал и разжимал пальцы. Его тянуло туда, где плачет и страдает его женщина. Он обязан сейчас быть рядом с ней. Наконец-то пришла Фэй, и Ник схватил ее за плечи.

– Как она?

– Я дала ей сильное успокоительное. Она будет в сознании, будет все понимать, но ее эмоции притупятся. Она в шоке. Для нее губительно это потрясение. Я не знаю, какие будут последствия. Придется держать ее на транквилизаторах постоянно. В течение недели, а то и месяца.

Ник медленно разжал пальцы.

– Кто убил Витана – ты или Лина?

– Лина...я помогла организовать.

Ник тяжело вздохнул. Им придется пройти и через это. Хотя он поступил бы точно так же.

– Влад?

– Он в порядке, – ответила Фэй, – Держится. Ему будет плохо потом. Через время. Он еще не осознал. Всегда происходит щелчок. У кого-то сразу, и он бьется в истерику, у кого-то этот щелчок будет спустя время. Пойдем, Ник. Все, кто смогли, уже приехали. Я помогу Марианне одеться и еще... Ник, держи себя в руках, когда увидишь ее, пожалуйста. Просто сделай это ради Марианны.

Мокану кивнул и стиснул челюсти. Он сдержится. Постарается.

Никто не проронил ни слова. Не произнес прощальной речи. В тишине слышались сдавленные стоны, рыдания. Никто не посмел подойти к королю. Все соболезновали молча. Внезапно сердце Мокану пропустило несколько ударов. Фэй привела Марианну. Нику показалось, что он летит в пропасть. Его девочка. От невероятного усилия не закричать ее имя свело скулы. Он стиснул кулаки и заставил себя молчать. Просто смотрел на нее и...собственная боль отошла на второй план. За нее было больнее. Марианна походила на призрака. Очень бледная кожа, почти прозрачная. Глаза затуманены, зрачки расширены. Действие транквилизатора. Подбородок подрагивает. Веки припухли от слез. Фэй подвела ее к отцу, и Влад рывком прижал дочь к себе. Ник тихо застонал. Это он должен сейчас обнимать ее, утешать. Это его обязанность. Почему именно в этот момент Ник не имеет права? Что они сказали ей? Как умерла Лина?

Влад разжал руки, и Марианна, пошатываясь, подошла к гробу. В тишине было слышно, как бьется ее сердце, очень медленно, словно тоже готово остановиться.

Марианна несколько минут смотрела на тело матери, потом повернулась к отцу. Ник успел подхватить ее еще до того, как она сама поняла, что падает. Это было стремительно быстро. Сиреневые глаза лишь на секунду сфокусировались на его лице и закрылись, не успев отразить ни одной эмоции кроме боли и отчаянья. Фэй тут же оказалась рядом, приложила ухо к ее груди, прощупала пульс.

– Обморок. Она не выдержала. Ник отнеси ее в дом, хорошо. Я побуду с Владом.

– Иди с ними, – голос короля донесся словно издалека. – Иди, не оставляй ее. Я в порядке.

Ник уложил Марианну на постель и не удержался, прижал ее руку к губам, потом к щеке. Удивительно, когда он рядом с ней, становится легче дышать. Она словно его наркотик. Со стойкой, непреодолимой зависимостью на все: запах, голос, прикосновения. Держит ее руку в своей, и сердце снова бьется, в груди становится теплее. Он не просто соскучился, он истощен морально, до состояния полной протрации. Именно сейчас по его щеке скатилась одинокая слеза, и Ник быстро смахнул ее ладонью. Не время плакать. Кто-то должен быть сильным сегодня.

Фэй не мешала, она стояла рядом и наполняла шприц лекарством. Ее руки мелко дрожали.

– Она придет в себя через несколько часов. За это время мы должны увезти ее отсюда в дом родителей. Ник, вернись в склеп. Мне не нравится состояние Влада. Он слишком спокоен. Меня это настораживает. Побудь с ним. Не оставляй одного.

Ник осторожно положи руку Марианны ей на грудь и повернулся к Фэй.

– Он не простит вам лжи. Точнее, теперь только тебе. Лучше, чтобы Влад не знал о том, что вы сделали.

– Я знаю, – прошептала Фэй, – Никогда не простит. Сейчас ты ему нужен. Просто побудь с ним, хорошо.

– Конечно...Фэй...что теперь с нами будет?

В глазах Фэй блеснули слезы:

– Все изменится. Мы изменимся. Смерть не только отнимает, она так же дает возможность родиться чему-то новому, Ник.

Они никогда не были эмоционально близки настолько, как сейчас. В этом самом склепе, где покоился их отец, Криштоф и теперь женщина, которая когда-то породила между ними вражду и ненависть, но в тоже время заставила их стать семьей. Ее больше нет. А им обоим слишком больно, чтобы что-то сказать друг другу. Обиды отошли на второй план. Между братьями протянулась еще хрупкая, но уже ощутимая ниточка доверия.

– Мы слишком часто стали здесь бывать, – прошептал Ник и сел рядом с Владом на каменный пол.

– Ты видел ее лицо, Ник? Она...она словно радовалась, что ушла. Почему? Она встретила смерть с облегчением. Чего я не знаю, Ник? Что происходило с моей женой? Что она скрывала от меня?

Ник облокотился о стену.

– Не знаю, брат. Она ушла. Просто ушла, как и многие из нас. Вампиры не умирают от старости.

– Я хотел разделить с ней вечность, – прошептал Влад и закрыл глаза.

– Ты разделишь с ней вечность. Пока ты ее помнишь.

Внезапно Влад повернулся к Нику, его глаза лихорадочно блестели:

– Что-то не так, Ник. Я это чувствовал, все годы. С ней было что-то не так, а последнее время. Она...словно жила по инерции. Лина так и не стала одной из нас...и у нее были тайны от меня.

Влад протянул Нику окровавленный клочок бумаги.

– Записка Марго. Прочти.

Ник поднес бумагу к глазам и тяжело вздохнул.

– Ты не удивлен? Ты знаешь, что эта сука имела ввиду?

Ник отвернулся.

– Скажи мне. Скажи все, что ты знаешь, Ник. Я должен знать.

– Просто Марго лишилась всего. Это ее фантазии, ее домыслы. Это ничего не значит. Поверь. Совсем ничего.

Влад отобрал записку и спрятал ее в карман.

– Значит. Моя жена многое от меня скрывала. Я чувствовал, но не лез. Каждый имеет право на свое пространство.

Ник сжал руку брата.

– Просто ты сейчас ищешь виноватых, Влад. Так легче справиться. Так легче смириться. Но ты заблуждаешься, я уверен, что Лина ничего от тебя не скрывала.

– Скрывала, – Влад судорожно сжал руки и снова закрыл глаза, – Неделю назад я получил уведомление из Румынии о том, что ее посылка передана адресату. И знаешь что?!...Адресатом была она сама. Лина отправила посылку и сама же получила ее в Румынии. Тогда, когда я думал, что она уехала по делам братства. Зачем? Что было в этой посылке? Что она отправила сама себе? Я должен узнать.

Ник чувствовал, как сжимается его сердце. Что-то новенькое? Сочувствие брату? Незнакомые эмоции, странные и давящие на грудь.

– Поезжай туда и найди ЭТО. Возможно, тогда ты успокоишься. Лина любила тебя, брат.

Они посмотрели друг другу в глаза, и вдруг король тихо произнес:

– Тебя она тоже любила.

Слова повисли в воздухе, как камень. Воцарилась тишина.

– Сейчас не самое подходящее место и время..., – начал Ник.

Влад вдруг сжал плечи Мокану.

– Почему она, Ник? Почему сейчас, когда в нашей жизни наступило долгожданное счастье и покой?

Ник чувствовал его боль физически. Пожалуй, это был самый сближающий момент за всю их жизнь. Даже смерть отца не сблизила их настолько.

– Пойдем. Нам нужно быть там с теми, кому тоже больно. Короли не имеют права на одиночество.

Влад резко встал с пола.

– Я больше не король. Что я за правитель? Я не смог уберечь своих дочерей, я не смог уберечь свою жену. Братству не нужен такой, как я.

Ник напрягся, он смотрел на Влада и видел мрачную решимость на его лице.

– Ты заменишь меня. Я отдаю правление братством тебе и уйду от дел. Как наш отец. Мое время закончилось, Ник. Ты обязан взять все в свои руки. Габриэля поставишь на свою должность. Он справится.

Ник хотел возразить, но Влад сделал предостерегающий жест:

– Не спорь. Мы оба знаем, что я прав. Я сейчас не в состоянии править братством. Я должен быть со своей семьей. Габриэль и Крис переедут в наш с Линой дом и побудут с Марианной. Я уеду в Румынию, а потом поживу у Мстислава с Дианой вместе с детьми. Мне нужно это время. Твоя очередь взвалить все на себя.

Ник обнял Влада и сильно сжал его плечи. Он чувствовал дрожь. Король больше не держал себя в руках, он сломался. Это было самым тяжелым зрелищем из всех, что Нику доводилось видеть. Самый сильный в их семье, негиббемый, правильный. Он сломан и сдается. Ник с трудом сдержал стон сожаления.

– Мы справимся вместе, как всегда. Как все эти годы.

– Нет...ты справишься сам, а я помогу, чем смогу. Завтра я оглашу новый указ, и тебя коронуют ровно через неделю. Мы выдержим время траура, и ты возьмешь на себя все обязанности. Хоть раз сделай так, как я тебя прошу. Ник...я просто не смогу сейчас править братством...я задыхаюсь, брат...Мне плохо...Я...

Ник посмотрел Владу в глаза и словно увидел отражение собственных глаз много лет назад, когда решил, что Марианна ушла от них навсегда.

– Хорошо...я согласен. Я приму все обязанности.

Смерть Лины заставила братьев цепляться друг за друга, именно в этот момент они перестали быть врагами. Словно давнее соперничество, ненависть и ревность умерли вместе с ней и были похоронены именно в этом склепе.

Глава 3

Спустя месяц...

Господи, как же хорошо дома! Я ДОМА! Мне казалось, я не была здесь целую вечность. Но именно здесь мы все были счастливы: я, мама, папа, Тина. Мама... Я все еще не могу говорить о ней в прошедшем времени, для меня она живая. Во всем, что меня окружает. В этих шторах нежно сиреневого цвета, которые мы выбирали вместе. В каждой вещице, любовно расставленной ею в моей спальне. Даже в книгах, которые она покупала мне когда-то. Мама. Ее никогда и никто не заменит, и никто и никогда не будет меня так любить. Я не плачу. Уже нет. Я просто трогаю эти вещи, и мне не верится, что я могу к ним прикасаться, а она нет. Иногда я слышу ее шаги в коридоре или смех на веранде. Я слышу ее голос. Выбегаю из комнаты, а ее нет. Сегодня ровно месяц, как не стало мамы. Для меня этот месяц прошел как один день. Я перестала пить таблетки ровно через неделю. Фэй сказала – я сильная и смогу справиться без них. Отец тоже справлялся. С трудом, но он держался. Мы не оставляли его одного. Тина и Габриэль всегда были рядом, и я сидела с отцом в спальне мамы, и мы смотрели фотографии и видео. Вспоминали ее. Каждый день. Это стало ритуалом, после

ужина мы шли в ее комнату и смотрели кусочек нашего счастливого прошлого. Папа сильно изменился. Мне так жаль его. Он словно стал совершенно другим, более жестким, холодным. Нет, не со мной, а вообще. Я слышала, как он отдавал приказы слугам, как разговаривал по телефону, и я не узнавала его. У него появились тайны. Он закрывался в библиотеке и очень часто прекращал все разговоры, едва я заходила в его кабинет. Постепенно я стала понимать, что странный не только он. Все странные и другие... или это я не такая. Боже, мне не восемнадцать, мне двадцать пять. Я вернулась домой спустя семь лет. Жила ли я здесь? Или не жила? Где я провела все это время? Почему тот дом мне казался родным и знакомым, если там живет брат моего отца? Я проводила там много времени?

А здесь ничего не изменилось и все же неуловимо стало другим. Теперь я уже верила, что прошло семь лет. Дом выглядел иначе, слуги были другими, странными, молчаливыми, исчезали и появлялись как призраки. В доме царил полумрак и тишина. Хотя, скорее всего, папа вымуштровал всех перед моим возвращением, и поэтому они ходили по стойке "смирно". Отец мог быть грозным и властным иногда. Правда, не с нами. Не со мной, не с мамой и уж точно не с Тиной. Меня все еще мучили приступы головной боли, но Фэй дала мне лекарство и, благодаря ему, я справлялась с мигренью, или что там еще бывает у людей после трепанации черепа. Но в мозгах у меня поковырялись основательно. Словно вырезали оттуда кусочек вместе с семью годами моей жизни. Хотя, если послушать Фэй и отца, за эти семь лет не произошло ничего примечательного. Привычно для меня. В моей жизни никогда и ничего не происходит. Она скучная и унылая, как и я сама. Правда, зеркало пыталось меня переубедить, но разве со мной поспоришь? Я никогда не отличалась высокой самооценкой. Скорее наоборот – распиливать себя изнутри и копать, ковыряться в своих тараканах. Вот это всегда пожалуйста. А что восхищаться? Ну, повзрослела? Ну, симпатичней стала. Вроде черты лица поярче, тело покруглее. И еще! О вот это прогресс! Именно это доконало меня – маникюр! Длинные аккуратные ногти. Просто идеальные. Интересно, кто со мной так поработал в этом направлении? Ведь я сгрызала их раньше до мяса.

Я помню первый день, когда папа привез меня домой – я зашла к себе в комнату и с наслаждением закрыла глаза, чувствуя запах книг. Мои книги. Как же я скучала по ним.

Я помню, как вытерла слезы, как устало бросила сумку на диван у окна и пошла в душ.

Немедленно. Вот смою кладбищенский запах и почувствую себя намного лучше. Но он въелся мне в мозги. Запах склепа там, где мы оставили маму навсегда. Воспоминания причиняют боль. Наверное, прошло слишком мало времени.

Запахи стали моим сущим наказанием. Меня постоянно преследовали навязчивые ароматы, а то и откровенная вонь. Словно мне делали не трепанацию черепа, а трепанацию носа. Мое обоняние не просто улучшилось, а оно усилилось в десятки раз и очень мне мешало. Или я преувеличиваю, но вся моя одежда пахла лекарствами, даже волосы и ногти. И еще... моя кожа, на ней словно держался еще один запах – терпкий, мужской. Я чувствовала его, и он меня не раздражал, даже наоборот, я снова и снова подносила свою руку к лицу, чтобы почувствовать его. Нет, этот запах не был мне знаком, но он вызывал странные чувства. Как если бы... если купить духи и вдруг понять – это ТВОЕ. Именно твое. Словно тот человек... если я не фантазирую, проводил со мной настолько много времени, что его аромат впитался в поры на моем теле. И это не отец.

Я помню, как тогда подошла к большому зеркалу и посмотрела на себя. На голове повязан черный кружевной шарфик, Тина постаралась. Элегантное черное платье, туфли. Я пополнила немного, или мне кажется? Помню, как рассматривала себя, словно стараясь отвлечься от грустных мыслей, от отчаянной пустоты. Почему-то мне казалось, что под шарфиком выбритая голова. Ведь когда оперируют, то сбывают волосяной покров. Я сдернула шарф и приготовилась увидеть... Нет... я не лысая... Волосы едва достают до мочек ушей. Я показалась себе чужой. Странной, неестественно фарфоровой. Ненастоящей. Стянула платье через голову, скинула лифчик. Мое тело больше не угловатое, не худое. Я стала женственной. Округлые плечи, бедра, грудь большая, тяжелая. Я решила, что рассмотрю себя потом, сейчас мне просто хотелось смыть с себя все, я залезла под горячую воду и закрыла глаза, намылила тело, шею, руки, пальцы и вдруг замерла. Смыла пену и снова посмотрела на свою правую руку. На безымянном пальце виднелся белый след. Такой след остается после того, как ты очень долго носишь кольцо или часы, а потом снимаешь. Вся кожа покрывается легким загаром, а вод именно в таких местах остается белой. Значит, я носила кольцо? Притом не снимая? Почему на

безымянном пальце? Словно обручальное. Надо будет спросить у папы, куда оно делось. Любая мелочь может иметь значение и разбудить мою память.

Но я так и не спросила про кольцо. Какое это имело значение сейчас, когда все мы учились жить без мамы? Когда человек рядом, ты не придаешь этому значение, воспринимаешь как должное, а потом, когда его больше нет, тоска по самым обычным фразам, даже тем, которые тебя раздражали, вдруг становится невыносимой. Сегодня вечером вся семья соберется вместе помянуть маму. Никто не произносит вслух слово "поминки", просто говорят, что мы обязаны возобновить традицию ужинать вместе по пятницам, но я знаю, что папа хочет почтить ее память и поэтому зовет всех. Возможно, чтобы я лучше познакомилась с теми, кого забыла.

Весь этот месяц мы с Тиной были неразлучны. Она проводила со мной почти каждый день. Но самое странное, что я так и не добилась от нее ничего насчет себя. Тина говорит, что ее в это время не было со мной, она жила в Чехословакии со своим первым мужем, который погиб четыре месяца назад. О том, где и как она познакомилась с Габриэлем, я так и не поняла. Но парень мне нравился. Меня тянуло к нему. Мне даже иногда казалось, что я его знаю. Особенно его глаза. Я словно видела их когда-то раньше. Он мало говорил, но он любил Тину. Безумно. Для меня этого было достаточно. Тем более сестра открыла мне секрет, что она ждет от него ребенка. Конечно, я не понимала, почему она вышла замуж, когда прошел такой маленький срок после смерти ее первого мужа, но я еще не готова была к расспросам. Информация и ее количество заканчивались для меня жестокими приступами головной боли.

Ближе к обеду я вылезла из душа и открыла шкаф. Ничего себе, сколько вещей! Не помню такого гардероба у себя. Я это ношу? Вот это? И вот это тоже? Одно платье короче другого, все прозрачное, обтягивающее, вызывающее. Я все это сама выбирала? Будь это шкаф Кристины, я бы не удивилась, но чтоб я вот это носила?! Так, а ничего другого здесь и нет. На глаза попало черное платье с мелкими блестками, полупрозрачное, без излишеств, до колен. Я еще не была готова снять траур. Правда, когда надела, обнаружила разрез сбоку. Ну, ничего, вроде самое скромное из всего, что здесь имелось. Потрогала материал и вдруг почувствовала снова тот неуловимый мужской запах, который держался на моей коже месяц назад. Я поднесла платье к лицу и закрыла глаза. Нет... никаких воспоминаний. Возможно, я ходила в этом платье на свидание... с тем парнем, о

котором говорил отец.

Я порылась в поисках колготок, но кроме чулок ничего не нашла. Ладно, Марианна, значит, ты носишь теперь чулки, хорошо, я тоже попробую. Только завтра же я все это барахло вышвырну нафиг. Как можно такое носить? Словно соблазнять кого-то собралась. А, может, так оно и было? Ведь родители говорили, что у меня кто-то был. Может это я для него так старалась. Хммм... Интересно, я все еще девственница? Будем надеяться, что нет. А то в двадцать пять это уже неприлично. Хотя я, черт возьми, ничего не помню. Ну, вот это можно было бы и не забывать. Кто был моим первым мужчиной? Я его любила? У нас был бурный секс? Или так, возня под одеялом?

Наверняка, если сделать ревизию во всех своих ящиках, я что-то, но найду. Хоть какой-то привет из прошлого. Сегодня же начну искать. Поужинаю с семьей и с чистой совестью займусь своей дырявой памятью.

К дому подъехала машина. Вторая по счету. В первой приехала Фэй. Все остальные дома. Тогда кто это? Я подошла к окну и распахнула шторы. Из черного Мерседеса вышел мужчина. Высокий, худощавый. Я прилипла к стеклу, жадно его рассматривая. Мне почему-то казалось, что где-то я его уже раньше видела. Ошеломительная внешность. Я видела, как развеваются на ветру его длинные черные волосы, во всех движениях скрыта пружинистая сила. Он вдруг резко поднял голову, и я отпрянула от окна, но ощущение того, что он меня заметил, появилось немедленно.

Я спустилась к гостям. Медленно ступенька за ступенькой. Многих из них я не помню. Знают ли они об этом? Отец предупредил?

Все повернули головы в мою сторону, и я смутилась. Невольно отыскала взглядом того самого незнакомца, который только что вошел в дом, и вздрогнула, когда встретилась с ним взглядом. Невероятная внешность. Незабываемая. Один раз увидишь и забыть уже никогда не сможешь. И его взгляд... пронзительные глаза, синие, как зимнее небо. В сочетании с его черными волосами и матовой кожей – невероятный эффект. Кто он? Почему, когда я на него смотрю, я начинаю нервничать. И тогда, когда увидела из окна, и сейчас? Странное чувство, сердце бьется чуть быстрее.

Мне стало неудобно. Его взгляд казался слишком откровенным. Я даже поежилась.

Тина расцеловала меня, взяла за руки, повела к столу, она отметила, что я прекрасно выгляжу. Я украдкой поглядывала на незнакомца. Он вел себя очень уверенно, словно был частым гостем в нашем доме. За столом сидели, по крайней мере, еще двое, которых я не знала или не помнила. Мужчина с невероятными белыми волосами, со шрамом на щеке и хрупкая очень худенькая девушка с большими карими глазами. Но они не смотрели на меня, как на незнакомку. Они явно были рады меня видеть. Черт, как же неловко. Я делано улыбнулась им. Тина, словно почувствовала мое смущение.

– Не волнуйся, все мы знаем, что ты не помнишь некоторых членов нашей семьи и друзей. Начнем по порядку, хорошо? Просто думай о том, что все мы тебя любим, и все очень рады, что ты снова с нами.

Сестра повернулась к незнакомцу с синими глазами и шепнула мне на ухо:

– Милая. Это Николас. Твой... дядя..., – она кашлянула и быстро посмотрела на Фэй, та кивнула и отпила вино из бокала.

ААААА! Ну, вот. Точно. Я видела его фотографии у мамы в комнате, когда-то давно, когда без спроса вошла в ее секретный ящик. Значит это мой родственник? Легкое разочарование и вместе с ним облегчение. Николас мой родной дядя. Но странное чувство, что он смотрел на меня далеко не как на племянницу, сверлило мозги. Может быть... я фантазирую. Просто он очень красивый. Возможно, я даже хотела бы, чтобы он так на меня смотрел, если бы не был моим дядей.

– Я очень много о тебе слышала от мамы, – я улыбнулась и протянула ему руку, – Наверное, мы уже не раз общались, встречались... но я ничего не помню... Авария эта... Прости. Так неловко.

Николас взял меня за руку, но удержал мою ладонь слишком долго, на меня снова нахлынуло смущение, я высвободила пальцы и посмотрела на Тину. Та, казалось, ничего не замечала. Она беседовала с Фэй и с отцом.

– Ты можешь называть меня Ник, малыш, – он улыбнулся, и мне стало душно. И это его "малыш"... Я снова смутилась. Кристина показала рукой на мужчину с белыми волосами:

– Это Мстислав, он... друг Николаса, а с ним его жена Диана. Она балерина. Знаменитая.

Девушка улыбнулась и кивнула мне. Мстислав многозначительно посмотрел на Ника, потом перевел взгляд на меня:

– Я рад, что ты к нам вернулась. Память это не самое страшное, что мы можем в этой жизни потерять.

Прозвучало довольно мрачно, а сердце кольнуло как иголкой. Да, мы теряем значительно больше иногда... например маму. Я вдруг поняла, что только мы с отцом по-прежнему в траурной одежде. Даже Тина надела просторное темно-синее платье. Наверное, мы с папой еще не скоро сможем снять траур по маме.

Меня, как назло, посадили рядом с Николасом... Дядя! Ничего себе дядя. Красавец, просто умопомрачительный красавец. Вот какая у меня семья. С ними не стыдно и у одноклассников... черт мне двадцать пять. Одноклассники уже взрослые дядьки и тетки. Мне вдруг ужасно захотелось сбежать. Вот просто взять и смыться с этого ужина куда подальше. Меня напрягал мой неожиданный родственник, напрягали его взгляды. Казалось, эти синие глаза прожгут меня насквозь, сделают во мне дыру. Он меня пугал. Я чувствовала исходящую от него животную силу, некую ауру опасности. Когда каждая клеточка тела вопит: "беги без оглядки". Постепенно мною овладевала паника. Незаметно подкрадывалась, как издалека. Если он мой родной дядя, то почему он смотрит на меня как ... черт, как на женщину? Я снова бросила взгляд на Тину, словно моля о помощи, но она настолько увлеклась обсуждением нового контракта для Фэй, чтобы расширить ее клинику, что просто не обращала на меня внимание. Отец беседовал с Мстиславом, Диана не участвовала в разговоре, но внимательно слушала, заглядывая в лицо своего мужа. Наверное, они поженились совсем недавно. Это чувствовалось в их взглядах, в невольных прикосновениях друг к другу.

Они забыли обо мне. Все, кроме Николаса. Он то и дело наливал мне напиток, подсыпал новых деликатесов, и, самое интересное, в моей тарелке оказывалось именно то, что я люблю.

– Ну, как тебе дома? – наконец-то спросил он, и я вздрогнула от звука его голоса. Снова дежавю. Снова ощущение, что я его голос уже где-то слышала.

– Будто вчера отсюда вышла. Дома всегда хорошо. Наверное, я никогда не смогу покинуть дом родителей, как Кристина. Выйти замуж, уехать.

В глазах Николаса мелькнула насмешка, он скептически приподнял бровь.

– Но ведь вечно жить в хрустальном замке невозможно...

Я улыбнулась:

– Конечно, я жду принца на белом коне, принца, который вызволит меня из добровольного заточения.

Николас отпил виски из бокала и откинулся на спинку кресла. Мне показалось, что он напрягся.

– И какой он, твой принц на белом коне? – спросил он и закурил сигару. Я с удивлением увидела на его безымянном пальце обручальное кольцо. Он женат? Тогда, где она? Его жена... Появилось неуловимое чувство легкой зависти к той, которая смогла завоевать такого красавца.

– Так что насчет принца? – настойчиво переспросил Ник и затянулся сигарой.

Я мечтательно закрыла глаза, силясь представить себе хоть кого-то, но кроме брата Ксении никого перед глазами не видела.

– Ну, такой, с длинными волосами, высокий, красивый.

Николас едва заметно подался вперед, и в его руке дрогнула сигара.

– Чтоб глаза зеленые такие были. Ну, лет тридцати, наверное, и чтоб обязательно играл на гитаре или еще на чем-то..., – я увлеклась. "Как Вик".

Взгляд Николаса потяжелел, я физически почувствовала эту тяжесть, словно на меня повеяло ледяным холодом. Он прищурился и пристально посмотрел мне в глаза.

– И есть кто на примете?

Я весело отхлебнула апельсиновый сок. Почему бы мне не рассказать своему родственнику, если он так живо интересуется моими мечтами?

– Да, есть один парень.

Николас поставил бокал на стол, и мне даже показалось, что у него на скулах заиграли желваки.

– Очень интересно. И кто же это?

Я уже унеслась вслед за мечтой.

– Рок музыкант, хотя не знаю, стал ли он таковым. Но семь лет назад талант имелся. Может, продвинулся наконец-то. Виктор, брат Ксении, мы с ней в одном классе учились. Боже... семь лет назад. Кошмар.

Я улыбнулась и вдруг поняла, что Николас совсем не улыбается, он затушил сигару и неожиданно жестко спросил:

– Между вами что-то было раньше?

Ничего не было. Целовались один раз на заднем сидении его машины, а потом он уехал в столицу, и все, я его не видела до той самой встречи выпускников.

– Было... Так, один раз...

Я не сразу поняла, откуда донесся этот резкий звук, пока не увидела, как виски стекает по белоснежной скатерти на пол, а Ник сжимает в руке осколки бокала. Теперь уже Фэй подскочила к Нику и быстро увела его из зала, я хотела пойти следом. Может, помощь моя нужна или еще чего. Он ведь точно порезался и глубоко, я бросила взгляд на пол, но один из слуг уже вытер капли крови с паркета. На секунду мне показалось, что эти капли были не красными, а черными. Тина меня не пустила, удержала за столом.

– Фэй – врач, она справится. Поверь. С ним все нормально. Видно бокал был с трещиной.

– Фэй, это выше моих сил. Я переоценил себя... Думал, я выдержу, но это невыносимо. Ты понимаешь, что я сорвусь в любой момент?

Ник со всей силы впечатал кулак в стену несколько раз подряд.

– Успокойся. Тссс. Она нас услышит. Ты должен взять себя в руки. Слышишь? Это хороший знак, что она откровенна с тобой.

– Откровенна? Да она только что, черт подери, рассказывала мне о каком-то недоноске. Охренеть... завтра она мне расскажет, как она с ним...

– Ник, я прошу тебя. Ник. Посмотри на меня.

Николас посмотрел на Фэй, и его глаза запылали.

– ОНА МОЯ ЖЕНА! Я не намерен это терпеть. Я не... черт, я не думаю, что мы должны это скрывать. Идиотизм. Фэй, меня надолго не хватит. Заканчивайте этот спектакль, я больше не буду в нем участвовать.

– Будешь. Если любишь ее – значит будешь.

Их взгляды скрестились, и Фэй требовательно сжала руки Николаса, но Ник яростно выдернул ладонь, отвернулся, отошел к окну.

– И что мне теперь делать? Мириться со всем. Может, завтра она себе нового мужика найдет. Мне что, и это терпеть?

Фэй не ответила. Но Николас знал, о чем она думала, и этот ответ ему не нравился.

– Ник, я понимаю, что ты чувствуешь. Все понимаю. Мы что-то придумаем. Может, завтра или послезавтра отправим ее к тебе в гости. Проведете больше времени вместе, пообщаетесь. Ей нужно находиться рядом с тобой, и она начнет чувствовать, вот увидишь.

Ник резко обернулся:

– А если не начнет? Что тогда, Фэй? Когда вы собираетесь ей сказать, что я черт подери, не ее дядюшка Николас? Твою мать, звучит как Санта Клаус. Я – вампир, да и вся наша семейка тоже? Сколько времени я должен играть в эти игры?

– Не знаю. Ты считаешь, что лучше сказать ей это сейчас? Заставить ее быть с тобой? Заставить переехать к тебе обратно, когда она ничего...

– Ничего ко мне не чувствует? Это ты хотела сказать, Фэй?

– Да, именно это я хотела сказать. Марианна ничего к тебе не чувствует.

Глаза Ника на секунду блеснули красными огнями, и Фэй вздрогнула.

– Даже не думай об этом. Не смей, Ник... Не смей.

Взгляд князя тут же погас.

– А ты не смей мне указывать. Я потерплю. Но я не обещаю, что это надолго. Давай, Фэй, найди какое-нибудь гребаное лекарство и верни ей память. Я уйду. Для меня достаточно на сегодня. Если ты не забыла, я теперь в иной должности, и мне есть, чем заняться.

Ник посмотрел на Фэй, и его брови сошлись на переносице:

– Передай Владу – пусть заедет ко мне по дороге в Румынию, есть несколько бумаг, которые он должен подписать.

Ник открыл дверцу автомобиля и вдруг остановился, медленно повернулся. Марианна стояла позади него:

– Ты кое-что забыл, Николас.

Она протянула ему зажигалку. От волнения у него пересохло в горле. Слишком близко. Опасно. Для нее конечно. Взял из ее рук зажигалку и положил в карман куртки.

– Спасибо, она мне дорога.

– Я буду любить тебя вечно...

– Что? – на секунду у него потемнело перед глазами.

– Там написано – я буду любить тебя вечно.

– Я знаю. Спасибо, что вернула ее.

Ник сел в машину и захлопнул дверцу.

– Кто это написал?

Он почти нажал на педаль газа, но передумал, стекло бокового окна спустилось вниз.

– Это имеет значение? Или просто любопытство?

Марианна пожала плечами.

– У тебя на пальце обручальное кольцо. Ты пришел один. Я просто спросила.

– В этой жизни, малыш, никогда и ничего не бывает просто...

– Я вспомнила тебя...

Сердце перестало биться. Замерло. Ни одного удара.

– Тогда... на похоронах. Ты не дал мне упасть.

Сердцебиение возобновилось, медленно, быстрее, яростней.

– Я просто стоял рядом.

Он сорвался с места, стараясь не смотреть в зеркало дальнего обзора. Отъехав на несколько метров, резко затормозил и ударил по рулю ладонями, выскочил из машины. Согнувшись пополам, долго стоял, закрыв глаза, сжав двумя пальцами переносицу. Она вспомнит. А не вспомнит – они начнут сначала. Черта с два он будет сдерживаться. Даст ей время прийти в себя и вернет обратно. Не будь он Николас Мокану. Какая женщина могла устоять? И она не устоит. Только нужно деликатно покончить с мифом о том, что он ее дядюшка, и Ник заставит Влада сделать ему такое одолжение и рассказать своей дочери о том, что она приемная, или он, мать их так, сам это сделает.

Глава 4

Чувство, что от меня что-то скрывают, появилось внезапно. Это противное липкое ощущение, когда все вокруг знают, что происходит, а ты нет. Эйфория от того, что я вернулась, уже прошла. Точнее, все стало обыденным. Для них, а для меня с каждым днем появлялись новые пробелы. Их становилось все больше. Как пазл, в котором вместо цветной картинки складывается черный квадрат. Вот черный кусок и еще один..., и еще. Или у меня паранойя. Но меня начало преследовать чувство, что все, что меня окружает, просто мишура, придуманная кем-то, декорации. Моя жизнь ненастоящая. Я предоставлена самой себе. Поиски в собственной комнате ничего не дали. Ее убрали перед моим возвращением, так же как и весь дом. Убрали все, что могло быть связано с

последними годами моей жизни. Я не нашла ни фотографий, ни видео – ничего. Словно, все они стерли эти семь лет или тщательно пытались их скрыть от меня. Но еще больше меня пугали перемены, происходящие с моим телом. Начиная с волос, которые за месяц выросли настолько, что теперь доставали мне до бедер. Меня мучило чувство голода. Ни одно блюдо не насыщало меня, я постоянно оставалась голодной. И дом, он начал казаться мне чужим. В нем все вымерло. Тишина, закрытые окна, занавешенные тяжелыми, плотными шторами. Слуги, которые отвечали односложным "да" и "нет". Мне сказали – я работала переводчиком, но когда отец привез меня в офис, оказалось, что люди, работающие там, почти не знакомы со мной, а когда я попросила посмотреть свои прошлые работы, он сказал, что все они сгорели во время пожара. Самое интересное, что никто кроме него о пожаре не знал. Фэй не хотела говорить со мной об этом. Она отнекивалась умными фразами, проводила со мной тесты, анализы и кучу всякой врачебной дряни. Но она не собиралась обсуждать мое прошлое. И мне стало казаться, что, наверное, там, в черной дыре «вчера» и «позавчера», год назад я сделала что-то ужасное, или со мной произошло нечто такое, что заставляет моих близких молчать. Я постепенно начинала на них злиться. Никто даже не думал помочь мне вспомнить. Я осталась в доме одна. Бродила по комнатам в жалких попытках собрать себя на части и в отчаянии понимала, что меня здесь нет. Я это вовсе не я. Я совершенно не похожа на того подростка на фотографиях.

Хорошо, я сама все узнаю. Я думала, что найму частного детектива и заплачу ему денег, если мои родные не хотят мне ничего говорить. Но я ошибалась, решив, что могу что-то узнать сама – мне отказывали. Все, кого я нанимала и называла свое имя или сразу сообщали мне, что сейчас не могут взяться за расследование, или говорили, что перезвонят и не перезванивали, а потом на мои звонки отвечали их секретари. Круговая порука. Глупо было искать того, кто захотел бы мне помочь в записной книжке отца, но тогда я еще не понимала этого. Дошло постепенно, когда мне отказали все. Я вдруг прозрела – они получили приказ. Они все знакомы с нашей семьей и пальцем не пошевелят, пока Воронов им не прикажет. Тогда я ринулась в интернет. Нашла несколько агентств. Но больше всего впечатлило одно, с множеством положительных отзывов. Позвонила в агентство, человек, который мне ответил, назвался Антоном Григорьевичем, задал несколько вопросов, озвучил сумму задатка, и мы договорились о встрече в кафе на окраине города. Частный детектив оказался приятным человеком лет сорока, мне нравилось с ним общаться, я отвечала на его вопросы и пылала надеждой, что возможно уже завтра получу хоть какую-то информацию. Но напрасно. В тот самый момент, когда я уже

собиралась заплатить и положила деньги на столик, подошел официант и шепнул что-то на ухо моему оппоненту, потом показал рукой на людей в черных плащах, которые сидели неподалеку от нас. Антон Григорьевич извинился и отошел к их столику. Я отпила терпкий черный кофе и посмотрела на странных парней в кожаной одежде (в летнюю жару). Они мне кого-то напоминали, мне даже казалось, что я раньше их где-то видела. Через несколько минут Антон Григорьевич вернулся обратно за стол. Он сильно извинялся, сказал, что перезвонит мне в другой раз, и просто уехал, а я так и осталась сидеть с открытым ртом. Обернулась в гневе на столик, к которому подходил мой неудавшийся сыщик, но там никого не оказалось. Вот тогда мне стало по-настоящему страшно. От меня не просто все скрывают. За мной следят, мой телефон прослушивают, и это наверняка далеко не все. Кто приказал им следить? Отец? Зачем?

Я выскочила из кафе и села за руль, на ходу набирая его номер. Меня охватила ярость, неконтролируемая, клокающая злость.

– Да, милая.

– Милая! Какого черта за мной следят твои люди? Какого черта ты прослушиваешь мой телефон?

На секунду воцарилась тишина.

– Я просто пытаюсь тебя уберечь.

– Бред. Ты пытаешься от меня что-то скрыть.

– Марианна, послушай.

– Ничего не хочу слышать, ничего. Такое впечатление, что вы ополчились против меня, как враги.

Я вышвырнула сотовый в окно и нажала на педаль газа. В этот момент меня занесло. Машину вышвырнуло на обочину, прочесав все кусты вдоль трассы, она вылетела между деревьями и перевернулась. Я не успела испугаться. Я просто погрузилась в состояние шока. Несколько секунд смотрела в лобовое стекло, по

которому медленно поползла трещина, и мне вдруг показалось, что именно вот так трещит по швам моя жизнь. Раскалывается на две части. До и после. Голова снова начала нестерпимо болеть, я тронула щеку и посмотрела на пальцы – кровь. Вторая рука безвольно висела и ныла, я попыталась выбраться из машины, но дверь заклинило. В этот момент раздался треск. Кто-то разбил стекло сбоку.

– Эй! Вы живы? – раздался мужской голос слева от меня.

– Да! Я застряла... по-моему, у меня сломана рука, – собственный голос прозвучал странно.

Мужчина протянул руки и, взяв меня под мышки, потащил к себе, я помогала ему изо всех сил, пока, наконец-то, не оказалась снаружи.

– Пойдите отсюда, сейчас рванет, там бак пробит.

Я почувствовала запах бензина. Посмотрела на парня... и сердце пропустило один удар. Я узнала его. Но он не дал мне опомниться и потащил к дороге. Едва мы выбежали на трассу – раздался взрыв. Я вздрогнула и пошатнулась, он подхватил, не дал упасть, перед глазами все поплыло, и последнее, что я почувствовала, как он поднял меня на руки.

Я приходила в сознание урывками. Слышала голоса, видела яркий свет, понимала, что меня куда-то везут. Мелькали белые халаты. Но отчетливей всего был запах лекарств. До меня доносились обрывки фраз:

– Травма головы... Нет документов... Примерно восемнадцать лет, максимум двадцать.

В руку впилась игла.

– Кислородную маску. Везите в реанимацию, готовим к операции.

Я снова погрузилась в темноту. А когда пришла в себя, рядом попискивали датчики. Я села на постели. Бросила взгляд на капельницу. Черт... последнее

время я все чаще просыпаюсь утыканная иглами и всякими приборами. Я слышала, как рядом кто-то разговаривает. Сосредоточилась на звуке голоса.

– Виктор Андреевич, Вы видели результаты анализов? Этого просто не может быть. Первый снимок показывал многочисленные переломы ребер, перелом руки, тяжелую травму позвоночника несовместимых с жизнью. Ее должно было парализовать, она должна была истекать кровью от внутренних повреждений. А Вы говорите, что она помогла Вам вытащить ее из машины!

– Успокойтесь, Светлана Владимировна. Скорее всего это ошибка. Результаты рентгена могли быть неправильными.

– Черта с два ошибка. Когда Вы привезли ее в больницу, она была без сознания.. За два часа в ее организме произошли невероятные перемены. Повторный рентген показал, что нет ни одного перелома! А анализ крови. Вы видели ответ лаборатории? Они даже не могут определить группу и резус фактор.

– Светлана Владимировна, в лаборатории сегодня праздновали день рождения. Вам ли не знать, что все они пьяны. Идите, отдохните. Уверяю Вас, в медицине чудес не бывает. Поверьте, если все травмы были несовместимы с жизнью – она бы умерла. Возможно, перепутали имена пациентов. Я отпускаю Вас домой. Поезжайте. Я думаю, Вам следует взять отпуск на какое-то время. Поговорю с Фаиной, она Вас отпустит непременно.

– А Вы? Как же свадьба Вашей сестры? Выходной?– сокрушалась женщина.

– Клятва Гиппократа не признает выходных. Поезжайте домой. Я справлюсь. Пусть Настя сделает мне чашку кофе и позвонит к Ксении, извинится от моего имени.

Они появились из-за ширмы, и оба в удивлении уставились на меня. Я сидела на постели, свесив ноги, и смотрела на них. Особенно на Вика в белом халате, в очках. Я не верила, что это происходит на самом деле. Я только что попала снова в аварию, и единственным человеком, который был поблизости и пришел мне помощь, оказался... Нет, так не бывает... оказался тот, о ком я вспоминала когда, пришла в себя. Виктор. Он не узнал меня. Да и его теперь трудно узнать.

Я помнила его совсем другим. В кожаной одежде, патлатого, с сережкой в ухе. Удивительные перемены. Вик не стал рок музыкантом... он стал врачом, как и его родители. Женщина, которую он назвал Светланой Владимировной, вышла из палаты и прикрыла за собой дверь. Виктор подошел ко мне.

– Как Вы себя чувствуете? Пошевелите правой рукой, – попросил он. Я вдруг поняла, что боль в локте отступила. Более того, я свободно ею двигала.

– Нормально... видно просто ударились и...

– Дайте взглянуть.

Я смотрела на него расширенными от удивления глазами, даже рот приоткрыла. Но он счел это за недоверие или легкий шок.

– Ложитесь, Вам пока не нужно делать резких движений.

– Скажите, мы раньше встречались?

– Нет. Раньше мы не встречались, – он усмехнулся уголком губ, – Я бы Вас не забыл. Как Вас зовут?

Я протянула руку, и он ощупал мое запястье, локоть, плечо и даже ключицу. Очень осторожные и умелые пальцы.

– Марианна.

– Так вот, Марианна, нет перелома и нет ушиба. Удивительно, когда я вез Вас сюда, я был уверен, что эта рука сломана по крайней мере в двух местах.

Я не сводила с него глаз, жадно рассматривая лицо, короткие волосы, заглаженные назад. Он изменился, но не стал менее привлекательным.

– Вас не тошнит? Голова не болит? – спросил он, надавливая мне на виски.

– Не тошнит, а голова болит. Но последнее время у меня часто головные боли. Это не связано с этой аварией.

– Мигрени? – Вик посмотрел мне в глаза и посветил в зрачки маленьким фонариком. Интересно, он действительно меня не узнает?

– Можно сказать и так. Мое лекарство взорвалось вместе с машиной...

– Так что насчет мигреней? Как давно они у Вас? – теперь он трогал мои скулы, затылок.

– Недавно... я только месяц назад вышла из комы, у меня полная амнезия. Семь лет жизни как не бывало.

Виктор бросил на меня испытующий взгляд. Казалось, он очень сильно удивлен.

– Кома из-за чего? Что послужило катализатором такого состояния?

– Авария... по крайней мере, мне так сказали.

В этот момент я еще верила в это.

– Я могу попросить связаться с Вашей семьей. Они наверняка Вас ищут.

Я отрицательно качнула головой, а Виктор ощупал мои ключицы.

– Так, Вы говорите, травма головы, верно?

– Да... мне делали трепанацию черепа.

Он захохотал, и я дернулась от неожиданности:

– Простите, кто Вам сказал подобную чушь?

– Моя... моя тетя, она врач и...

– Бред. У Вас не было никакой трепанации, никогда, это я Вам как нейрохирург говорю. Я не чувствую никаких повреждений, никаких шрамов, неровностей.

Теперь я уже смотрела прямо ему в глаза. Он шутит?

– Не поняла.

– Что Вы не поняли? Со всей серьезностью Вам заявляю. У Вас не было ни одной операции на голове. Ни одной или...

– Или что? – спросила я.

– Или же на Вас все зажило, как в фантастическом триллере. Завтра сделаем МРТ головы. И я Вам точно скажу, была операция или нет, если Вы сомневаетесь в моих словах.

Дверь кабинета распахнулась. Зашла медсестра. Она в удивлении охнула:

– Виктор Андреевич! Вы! Вы вернулись? Я думала Вы сегодня на свадьбе Вашей сестры и...

В этот момент мне стало неловко. Более того, я почувствовала себя виноватой.

– Свадьба подождет, – усмехнулся он, – Вот, девушка по дороге в аварию попала.

Медсестра едва удостоила меня взглядом, а вот на доктора смотрела, раскрыв рот в благоговейном восхищении.

– Пациенты Вас преследуют, – улыбнулась она, и я подумала, что между ними что-то было, ну, или она сохнет по нему, притом давно. Я еще не определилась, насколько мне самой нравится Вик сейчас. Безусловно, я выросла из детских чувств, и он изменился.

– Размести Марианну в этой палате, хорошо? Открой на нее карточку.

Вик отвел медсестру в сторону:

– Но как? В этой палате...

– Настя, я сказал, чтобы в эту палату – значит в эту.

– Но Фаина...

– Я сам с ней поговорю. Оставь это мне.

– Хорошо, завтра ею займется доктор Ветрова. Я запишу для нее сообщение. Она делает утренний обход.

– Я лично буду заниматься этой пациенткой. Не нужно Ветрову или еще кого-то.

– Виктор Андреевич, завтра у Вас сложная операция и три пациента. Вы не успеете и...

– Отдай двоих Ветровой. Освободи место.

Медсестра обреченно кивнула.

– Хорошо. Я все поняла. Вам кофе сделать?

– Да, Настенька, сделай.

Когда медсестра ушла, я посмотрела на доктора и тихо сказала:

– Спасибо, Виктор, ты спас мне жизнь.

Прозвучало банально. Потому что эти слова он слышал не один раз. Я успела рассмотреть дипломы и благодарности на стене. Судя по всему, я сейчас нахожусь в кабинете знаменитого нейрохирурга Лазарева. Завотделением частной клиники нейрохирургии. От удивления его брови приподнялись.

– Мы знакомы?

– Знакомы. Марианна Воронова. Я училась вместе с твоей сестрой.

Он несколько секунд смотрел на меня, а потом усмехнулся. Вот это не изменилось, его улыбка. Она осталась все той же мальчишеской, задорной, в сочетании с искорками в зеленых глазах. Мне когда-то нравилось, как он улыбается.

– Невероятно. Мышка-Мари... О, боже...

– Мышка? – я приподнялась на локтях.

– Да... мы называли тебя мышкой... – он смотрел на меня и улыбался, – Ты изменилась... черт, я бы ни за что не узнал тебя.

– А я тебя узнала, еще там, на дороге.

Через несколько минут медсестра принесла кофе, но мы даже ее не заметили. Вик громко смеялся, когда я рассказывала ему, как МЫ называли его между собой. Он сидел рядом на постели в своих дурацких очках, и я вдруг поняла, что нравится он мне по-прежнему. Как и раньше.

Вдруг дверь с грохотом распахнулась. Я вскрикнула от неожиданности. В палату ворвался Николас вместе с отцом. За ними следом забежала Настя.

– Я не знала, Владислав Самуилович. У нее не было документов и...

В этот момент Ник повернулся к ней, и все мое тело покрылось мурашками. Я увидела, как загорелись его глаза. Или это игра света? Радужки стали ярко-красными на мгновение:

– Выйди вон отсюда.

Медсестра побледнела и попятилась к двери.

– Что вы себе позволяете? – Вик направился к моим родственникам, – Освободите помещение и ожидайте в вестибюле. Если вы ко мне, то я освобожусь через десять минут. Вы не видите, я с пациенткой?

Николас посмотрел на Вика, и я почувствовала, как моя кровь леденеет. Более мрачного и тяжелого взгляда я еще никогда не видела.

– Мы пришли к ней.

Я натянула одеяло по самые уши. Отец первым нарушил тишину, он посмотрел на Виктора.

– Думаю Вам лучше рассказать, что здесь происходит, прямо сейчас. Ваша пациентка – моя дочь, и мы искали ее четыре часа. Никто не удосужился нам сообщить, где она, Виктор Андреевич.

– Это недоразумение. Пройдемте в мой кабинет, я все объясню.

– Объясняй здесь и сейчас, – Николас сложил руки на груди, и я снова подумала о том, сколько в нем дикой энергии, мрачной, жестокой. Почему-то рядом с ним Вик показался каким-то слабым и жалким. А еще я чувствовала запах страха. Виктор знал, с кем он говорит. Я в этом не сомневалась. Он боялся.

– Ваша дочь попала в аварию, ее машина перевернулась на трассе в нескольких километрах отсюда. Я привез ее в больницу, и при ней не было никаких документов. Мы провели необходимые анализы и...

– Стоп. Остановитесь. Пройдемте в Ваш кабинет, – отец пошел к двери, он даже не обернулся ко мне. Виктор последовал за ним, а Ник... он остался со мной. Мне стало тесно и неуютно. словно стены палаты начали давить на меня, или его энергетика настолько пульсировала в воздухе, что стало душно. Я снова поразились, насколько яркая у него внешность. Он затмевал всех. Рядом с ним даже отец, которого я считала эталоном мужской красоты, становился самым обычным мужчиной.

– Ты цела?

Я кивнула и задержала дыхание. Мне казалось, что он зол на меня больше, чем папа. Странное чувство, что я должна объясняться именно с ним, а не с отцом, подняло волну протеста.

– Зачем отключила телефон? Мы искали тебя несколько часов.

– Я его выкинула, – ответила заносчиво и нагло посмотрела в темно-синие глаза, – Хотела хоть ненадолго избавиться от контроля, которым вы меня окружили.

– У нас особенная семья, Марианна. Мы можем найти любого рано или поздно. Так что если в следующий раз захочешь исчезнуть, сообщи об этом. Мы просто оставим тебя в покое. Прятаться и скрываться бесполезно.

– Вы следили за мной. Вы прослушивали мой телефон. За мной постоянно следовали люди отца. Как вы смели? Как отец мог так со мной поступать, словно я его собственность, а не взрослый человек, имеющий право на личную жизнь.

Во мне klokотал гнев и обида, и я намеревалась вытрусить из них правду.

– Это не твой отец, – Николас смотрел прямо мне в глаза.

– Тогда кто, черт возьми?

– Это я. Я приказал следить за тобой. Ради твоего же блага.

Я поежилась от звука его голоса, но сдаваться не собиралась. Меня бесило, что он разговаривал со мной, как с нашкодившим ребенком.

– А кто ты такой, чтобы отдавать такие приказы? Кто такой, чтобы судить о том, что хорошо для меня, а что нет? Я вообще тебя не знаю. Насколько я помню, семь лет назад в нашем доме твое имя произносили шепотом, и желанным гостем ты точно не был.

Я могла бы поклясться, что удар достиг цели, если бы не видела собственными глазами – выражение его лица не изменилось, только глаза стали еще темнее, и взгляд настолько тяжелым, что мне казалось, все вокруг завибрировало.

– С того времени очень многое изменилось, Марианна. Насколько изменилось, что даже представить себе не можешь.

Прозвучало зловеще. Он меня пугал. На подсознательном уровне я его боялась. Странное чувство, будто я знаю, что он может причинить мне зло.

– Для меня все по-прежнему, Николас. Раньше в нашей семье мы друг другу доверяли, и никто ни за кем не следил. Возможно, с твоим появлением доверие стало редким качеством?

– Возможно, – он усмехнулся, и его белоснежные ровные зубы сверкнули в полумраке, – Я никогда и никому не доверяю, малыш. Даже сам себе.

– Я в этом не сомневалась. Отец тоже тебе не доверял, не знаю, что изменилось сейчас, но я бы предпочла, чтоб было как раньше.

В этот раз я его задела, я была в этом уверена. Но тут вернулся отец вместе с Виктором.

– Мы решили, что дальнейшее наблюдение и лечение ты пройдешь дома. Доктор выписывает тебя немедленно.

На секунду я представила себе, что вернусь в унылые стены, где все вокруг что-то скрывают и контролируют каждый мой шаг.

– Нет, я хочу остаться в больнице, – возразила я, – Вик, скажи им. Скажи, что мне нужно пройти анализы, пройти, как ты там говорил, МРТ и...

– Вик? – Николас с нескрываемым любопытством посмотрел на врача, который явно растерялся.

– Да, мы... э, мы знакомы. Точнее, были знакомы семь лет назад.

– Занятно. Мир тесен, черт возьми. Рейс dk337 dk 794 6:00 вылет 11:20

Отец подошел ко мне:

– Фэй будет лечить тебя и сделает все необходимые проверки. О том, что ты натворила, мы поговорим позже. Дома.

– Натворила? Я не имела права побыть одна, без вашего... его надзора, он теперь твой верный пес и приказывает вместо тебя? – с триумфом посмотрела на Николаса, который стиснул челюсти, но стерпел, повернулась к отцу – Я не хочу домой. Я хочу, чтобы меня лечил Вик. Я ему доверяю, – секунду поколебалась и добавила, – А вам нет.

Отец побледнел, он взял меня за руку и, не глядя на брата и Виктора, который молчал и не вмешивался в наш диалог, попросил:

– Выйдите, нам нужно поговорить. Я хочу кое-что объяснить своей дочери. Подождите за дверью.

Глава 5

Николас смотрел на доктора и чувствовал, как внутри поднимается темная волна гнева. Нет, не на этого смертного, а на себя самого. За то, что ничтожно мало знает о той Марианне, в жизни которой еще не было его самого, и не было тайн. Он никогда не интересовался, как она жила раньше. У него в мыслях не было узнавать о ее прошлом. Оно казалось ему неинтересным и скучным. На первом месте он сам. Эгоистичное чувство стать для нее всем, затмить прошлое и будущее. А ведь она жила и до него. У нее были друзья, увлечения, интересы. Ник хоть раз поинтересовался ими? Никогда. Для него ее жизнь началась с того момента, как он понял, что любит. Нет, с того момента, как он понял, что она его любит. А вот этот ботаник в очках знает ее такой, какой никто до этого не знал. Раздражало? Хуже – бесило. Хотелось размазать по стенке этого придурка. Но слишком велика честь для смертного. Да и Фэй не одобрит – ее лучший нейрохирург. Но Ник видел, как докторишка смотрел на его жену. Заметил, как только выбил эту чертову дверь и застиг их за милой беседой. Марианна улыбалась...не Нику. Это еще не было ревностью, но он знал, что проклятая появится неожиданно и быстро и разъест серной кислотой. Когда кто-то просто смотрел на нее – у него чесались десна, когда другие мужчины разговаривали с ней – клыки прорывались наружу. Только по отношению к Марианне у него неизменно возникало это болезненное чувство собственника.

– Значит, вы раньше тесно общались?

Доктор поправил очки и, не глядя на Ника, ответил:

– Да, общались. Скорее, просто иногда встречались.

– Удивительное совпадение. И ты ничего о ней не слышал на протяжении всех лет? Даже не узнал?

Доктор повернулся к Нику.

– Она изменилась. Я не пойму, к чему такой допрос? Вначале Ваш брат, теперь Вы? Я просто ехал мимо, увидел, как машину занесло в кювет, бросился на помощь. На первый взгляд мне показалось, что у девушки серьезные травмы, несовместимые с жизнью. Я отвез ее в клинику. И все. Вы серьезно считаете, что должен был помнить обо всех подружках моей сестры? У меня тогда были иные увлечения.

Что ж ответ достойный. Нику нечего было добавить. По-своему доктор прав, какое ему было дело до семнадцатилетней девчонки. Ник напрасно вспыхнул. У Марианны могли быть знакомые.

– Вы собираетесь ей сказать?

– Что именно? – Ник закурил сигару и с наслаждением выпустил колечки дыма в сторону врача.

– О том, что вы ее муж?

Николас резко повернулся к Виктору и прищурился.

– Просто не лезь в это и держись от нее подальше, хорошо? Ты выполнил свою работу на «отлично». Спас, притащил в больницу. Ты герой. Тебе за это заплатят. Все, забудь. Дальше мы сами разберемся.

– Марианна сказала о коме. Я уверен, что тому причина вовсе не травма головы, которой у нее не было.

Николас начинал терять терпение, этот смертный действовал ему на нервы, раздражал. «Я ему доверяю, а вам нет». Удар ниже пояса.

– Ты работаешь в этой клинике давно? Я раньше тебя не видел, – вкрадчиво спросил Ник.

Доктор снял очки и спрятал в нагрудный карман. Ника всегда раздражал такой типаж людей, на которых не действуют колкости и ядовитые издевки.

– Два года.

– За это время ты стал известным нейрохирургом, ты достиг того, что к тебе обращаются за помощью сильные мира сего. Верно?

Внезапно Николас схватил врача за грудки.

– Так вот, я могу сделать так, что завтра ты будешь завидовать бомжам на помойке, понял? – прорычал прямо в лицо хирурга, – Прекрати задавать дурацкие вопросы и строить теории. Просто выполняй свою работу.

Смертный испугался, они всегда боялись. Они подсознательно чувствовали тьму и запах смерти. Их смерти. Этот не исключение. Ник разжал пальцы и прислушался.

Мне казалось, я не могу дышать, я смотрела на отца, и мне не верилось..., не верилось, что все, о чем он говорит правда. Зачем... все эти годы. Они молчали. Да, он рассказал, что я узнала, рассказал, как уже пережила эти моменты, как плакала и обвиняла их во лжи. Нет. Сейчас я не чувствовала того, что тогда, в то время, которого я не помню. Сейчас мне просто стало трудно дышать, и сердце то сжималось, то разжималось. Я видела, как трудно дается отцу каждое слово. Он боится. Смотрит на меня, ожидая реакции, и на его красивом лице боль и страх быть отвергнутым мною еще раз. Наверное, в тот, первый раз, я причиняла ему страдания.

– Не молчи, – попросил он и посмотрел мне в глаза, – Не молчи, пожалуйста.

Мне стало больно вместе с ним. Все должно было быть не так. Этот разговор. Он мог состояться, когда еще мама была жива. Она бы поддержала его, он бы не чувствовал себя таким одиноким и несчастным. Я почувствовала, как на глаза навернулись слезы.

– Я люблю тебя, папа. Неужели ты думаешь, что я стану любить тебя меньше?

Я обняла его за шею и спрятала лицо у него на груди.

– Маняша, просто я уже прошел через это один раз. Я помню, как тебе было больно, помню, как ты плакала.

Я крепко сжала его руками.

– Наверное, я была немного другой... тогда. Пап, посмотри на меня. Какое значение имеет, кто мои биологические родители? Это не важно. Важно то, что вы с мамой растили меня, любили, дарили мне счастье.

У него на глазах появились слезы.

– Мне иногда кажется, что ты самое родное существо на свете, милая. Ты так похожа на маму.

Я не помнила отца таким... нет, не слабым... ранимым. Я привыкла, что он сильный, волевой, властный.

– Мне так ее не хватает... мне кажется, я перестал дышать...

Я заплакала вместе с ним, снова прижалась к его груди. Да, нам всем сейчас не хватает мамы.

– Маняша, вернись домой. Я чуть с ума не сошел, когда ты пропала. Позволь Фэй позаботится о тебе. Позволь нам помочь тебе. Дай нам это время, милая. Постепенно ты все вспомнишь, вот увидишь.

– А если нет?

Отец вытер мои слезы и сжал мокрые щеки ладонями.

– А если нет, значит, мы начнем все сначала. Редко у кого в жизни выпадает шанс не помнить о прошлом и жить с чистого листа. Я должен сказать тебе еще кое-что. Очень важное.

Я закрыла глаза, постепенно успокаиваясь в его объятиях. Возможно, мне не хватало именно этой близости, уверенности в его любви, в том, что все как и раньше. Мы семья, одно целое. И вместе мы справимся с потерями.

– Габриэль – твой родной брат. Он нашел тебя три месяца назад. Все, что ты захочешь узнать о своих родителях, он расскажет тебе. Поговори с ним, когда будешь готова. Он много сделал для нашей семьи. Для тебя, для Крис.

Пожалуй, в этот момент меня одолевали противоречивые чувства. Я еще не была готова принять новость о том, что я не родная. Я все еще хотела не думать об этом. Возможно, я поговорю с Габриэлем, но не сейчас. Слишком много новостей для меня. Мой мозг отказывался воспринимать информацию и переваривать ее. Какая-то частичка возликовала, затаилась в безудержном едком любопытстве, но сейчас для меня имел значение только отец и его боль, которую я чувствовала каждой клеточкой своего тела.

– Я не хочу знать о своих биологических родителях. Для меня их просто нет. Как можно хотеть то, чего никогда не было. Вы с мамой и Крис моя семья. Габриэль пока что чужой. Может быть... когда-нибудь я захочу узнать. Не сейчас. Отвези меня домой, папа. Я хочу сегодня с тобой вместе вспоминать маму и плакать... сделай это для меня, хорошо?

Виктора я увидела мельком, на проходной, когда мы покидали здание клиники. Но когда я проходила мимо, он сунул мне в руку визитку, и я молча спрятала ее в карман.

Николас ждал нас возле автомобиля, он курил и смотрел, как мы идем к машине. Он распахнул передо мной дверцу, помогая сесть на заднее сиденье. Грубость и галантность – противоречивое сочетание. В этом странном типе очень много противоречий.

В этот момент я почувствовала запах... тот самый, который оставался на моей коже, когда я пришла в себя. Тот самый, который впитался в мое черное платье. Запах, который будоражил мозг, как мощнейший афродизиак, и заставлял сердце биться быстрее. Сейчас, когда Ник находился настолько близко, в ожидании приоткрыв дверь, и смотрел на меня, прожигая взглядом, я потрясенно вдыхала аромат, и мне не верилось... Это запах Николаса. На моих вещах, на моей коже, волосах. Тогда, когда я очнулась, я пахла им. Словно... о боже, словно, все то время он был настолько близок ко мне...

Мозг будто пронзило молнией, и я вздрогнула. А ведь Николас мне вовсе не дядя. Резко подняла голову и вдруг увидела, что он усмехнулся уголком рта. Казалось, прочел мои мысли, понял, о чем я сейчас подумала. Он дьявол. Просто дьявол воплотил.

Порочная улыбка, вызывающая дрожь во всем теле, на секунду лишила возможности сделать вдох. Словно, он знает что-то, чего не знаю я. И я была уверена, то, что он знает – мне не понравится. Но больше всего меня раздражала собственная реакция на этого человека. Этот мужчина невольно восхищал и пугал одновременно. От его красоты можно было ослепнуть, но это жестокая красота. Это огонь, который сожжет все живое вокруг, как солнце, если слишком приблизиться. И самое мерзкое – он прекрасно об этом осведомлен. Самоуверенный, наглый хищник, не сомневающийся в своей мрачной неотразимости. В эту секунду я приняла решение – я должна избегать Николаса Мокану. Он опасен. Чем именно? Да всем. Прежде всего тем, что он мне не родственник и, да, мне не показалось в тот самый первый раз, когда я его увидела, он смотрел на меня совсем не как на племянницу. Меня вдруг обуял дикий ужас: «а вдруг между нами что-то было?»

Николас зашел в кабинет и запер дверь на ключ. Рука непроизвольно потянулась к шкафчику, и он достал бутылку виски. Покрутил в руках и откупорил пробку. С того момента, как Марианна пришла в себя, он не пил больше ни разу. Сейчас появилась дикая потребность сделать хоть глоток. Он был взбудоражен. Марианна своим поведением взорвала ему мозг. Он знал ее разной, знал нежной, ранимой, расстроенной, но такой – она не была никогда. Ник не понимал, что именно он сейчас чувствует. Он знал только одно. В тот момент, когда она дерзко заявила, что он никто для нее, ему до боли в деснах захотелось отыметь ее прямо на этой больничной койке. Посмотреть ей в глаза, когда войдет в нее и заставит кричать. По телу прошла болезненная судорога желания. Навязчивого

и дикого. Он «голодал» целую вечность. Он хотел секса с ней, быстрого жадного, где угодно. Ее память могла отказать, но тело... оно не может не отозваться на ласки. Ник был в этом уверен. Особенно, когда распахнул перед ней дверцу машины. На секунду в ее глазах появилось странное выражение. Марианна никогда не умела контролировать свои эмоции, и сейчас это не изменилось. Там, в сиреневой бездне, в которой он на мгновение утонул, Ник заметил смятение. Тот самый взгляд, так легко узнаваемый опытным любовником. Искра появилась. Он разожжет пожар. Обрушит на нее все свое умение, накопленное веками. Для начала нужно узнать эту новую Марианну. Таинственную, волнующую и совсем не нежную, какой она была раньше. Николас сел в кресло и открыл крышку ноутбука, набрал секретный код и с наслаждением отхлебнул виски из горлышка.

– Привет, милая...

На экране, разбитом на шесть одинаковых квадратов, была видна спальня Марианны во всех ракурсах и даже душевая. Да, он эгоистичная скотина. Он хотел быть рядом с ней, всегда. Пусть даже таким образом. Сегодня утром у нее в комнате установили маленькие камеры.

Марианна зашла к себе и заперла дверь, прислонилась к ней спиной. Бросила сумочку на пол и скинула туфли, и босиком пошла по ковру к ванной комнате. Ник медленно поставил бутылку на стол и придвинулся ближе к экрану. Ему дьявольски захотелось касаться ее маленьких ступней, вместо этого ковра. Он бы целовал каждый пальчик на ее ногах.

Марианна зашла в ванную, закрыла дверь и остановилась возле зеркала. Она долго рассматривала свое отражение, трогала скулы, волосы. словно, не узнавала собственное отражение.

– Да, ты красивая, моя девочка, ты безупречная. Если бы ты видела себя моими глазами – ты бы кончила.

Он громко выдохнул, когда она вдруг стянула футболку через голову и отбросила в корзину с грязным бельем. Сбросила юбку, повертев бедрами. Ник протянул руку, чтобы выключить монитор и не смог. Марианна завела руки за спину и расстегнула кружевной бюстгальтер. Ник задрожал, непроизвольно щелкнул на увеличение изображения и облизал пересохшие губы. Эрекция была

мгновенной и болезненной, он даже тихо застонал от дискомфорта, но уже не мог оторваться от экрана. Жадно смотрел на ее тело и чувствовал, как кровь в венах закипает. Он уже успел забыть, какие совершенные у нее формы, какая налитая и упругая грудь с алыми сосками, которые всегда превращались в твердые камушки, когда он касался их подушечками пальцев и языком. Во рту выделилась слюна. Он сам не заметил, как потянул «змейку» на ширинке и сдавленно вскрикнул, когда горячая ладонь легла на возбужденный член. В этот момент Марианна сняла трусики и отшвырнула их ногой. Она стала под душ, и Ник стиснул челюсти, когда увидел, как капли воды стекали по ее телу. Он готов был душу дьяволу продать, чтобы иметь возможность слизать их с бархатной кожи, опустится перед ней на колени и дико погружаться в нее языком, подготавливая к неистовому вторжению, чувствовать губами спазмы ее оргазма. Марианна медленно намыливала кожу жидким мылом, а он жадно следил за движением мочалки, когда губка потеряла сосок, Ник закрыл глаза и выругался матом, приближая себя к разрядке, рука непроизвольно двигалась вверх-вниз по стволу раскаленного члена, и он чувствовал, что взрыв уже близко. Ник любил брать ее в душе, вот такую мокрую, скользкую, пахнущую мылом и возбужденной самкой. Его самкой, которая истекает соками для него одного, от одного взгляда. Любил погружать в нее пальцы, скользя по горячим лепесткам, задевая тугой узелок, жаждущий его ласки. Марианна такая чувствительная к прикосновениям, она сводила его с ума своей реакцией на его страсть. Податливая, мягкая, отзывчивая. Ник любил играть с ней в игры, доводить до оргазма в самых неожиданных местах и смотреть, как она сдерживается, чтобы не выдать дрожи во всем теле, когда его пальцы дерзко забирались ей под трусики прямо в зале ресторана за столом, полным гостей. Ник обожал смотреть, как краснеют ее щеки, как затягиваются дымкой сиреневые глаза, и «плывет» взгляд, и как она закусывает губу, пытаясь оставаться равнодушной. Он мог потом демонстративно облизать пальцы, нахваливая свежий стейк с кровью, и только она знала, где именно эти пальцы только что побывали, ведь по ее телу все еще прокатывались волны наслаждения. Ник захлебнулся стоном, когда вспомнил, как ее тугое лоно сжималось и разжималось вокруг его члена, когда он вдавливался в нее, безжалостно распластав на ковре или стоя, развернув к себе спиной, прямо на лестнице в том ресторане. Ник откинулся на спинку кресла, и рука задвигалась быстрее в такт воспоминаниям, его глаза закатились, на лбу пульсировала жилка. Он кончал бурно, содрогаясь и рыча от острого наслаждения и разочарования, пачкая спермой собственный живот, выгибаясь на кресле, вцепившись одной рукой в столешницу, а другой в твердый как сталь член, подрагивающий в его ладони после яростной разрядки. Клыки вырвались из десен, и он непроизвольно оскалился. На экране Марианна как раз завернулась в полотенце и пошла в комнату. Ник приоткрыл пьяные от страсти

глаза и хрипло прошептал:

– В следующий раз это будут твои руки или рот... я клянусь...

Он громко выдохнул, жадно отпил виски прямо из горлышка, затем снял рубашку и вытер с себя семя, скомкав, яростно швырнул ее в мусорку. Разрядка не принесла облегчения. Как всегда, оставила горечь и терпкое послевкусие самообмана.

Глава 6

Меня не покидало странное чувство, что за мной наблюдают. Наверное, это навязчивая идея или...я даже не знаю, как это описать. После моего возвращения и после всех тайн, которые мне открыл отец, я так и не успокоилась. Ощущение, что мне скормили информацию по крупицам, осталось и не покидало ни на секунду. Но больше всего пугало и угнетало то, что я перестала спать. Это происходило постепенно. С каждым днем я чувствовала усталость все меньше и меньше, я ложилась в постель, закрывала глаза и понимала, что не усну. Хуже, именно ночью у меня возникало непреодолимое желание жить и активно действовать. Я перевела все документы отца, я выезжала ночью в офис и сидела над бумагами, скрупулезно отыскивая себе работу. Иногда мне удавалось заснуть на несколько минут, и меня преследовал один и тот же сон. Я видела в них детей. Словно это мои дети. Я искала их, брела через темные заросли, через грязные болота и находила. Всегда находила. Они тянули ко мне руки и кричали «мама». Я просыпалась в холодном поту и долго сидела на постели, вспоминая странные болезненные чувства, не покидавшие меня во сне.

Со мной происходили перемены, я менялась. Меня преследовал непреодолимый голод, жажда. Все звуки казались невыносимо громкими, запахи въедались в мозги. Я испытывала постоянное раздражение. Меня бесило все, начиная с включенного телевизора и заканчивая шумом пылесоса или звоном посуды на кухне. Я поссорилась с Крис. Впервые. Господи, впервые за всю мою жизнь. Я наговорила ей гадостей. Я себя не узнавала. Отец уехал в Румынию, Фэй все чаще приезжала только затем, чтобы в очередной раз взять у меня кровь.

Каждый день эти пробы, томографии, датчики. Я уже ненавидела всех и вся. Мне казалось, я вот-вот сорвусь, и я сорвалась... на Крис. Она всегда была вспыльчивой и, когда я настойчиво потребовала от нее рассказать мне все, иначе я просто разнесу весь дом к чертовой матери, она повернулась ко мне и яростно бросила:

– Марианна, черт возьми, у тебя есть шанс начать жизнь с чистого листа. Так начни, зачем ты копаешься в прошлом, зачем? Все станет на свои места в свое время. Не мучь себя и нас.

– Это моя жизнь! Чертовых семь лет, когда формировалась моя личность. Их нельзя вычеркнуть, стереть, изменить. Я проснулась с разумом восемнадцатилетней девчонки, Крис. Мне двадцать пять. Я взрослая женщина. Вчера я ходила к гинекологу, и знаешь что? Я не девственница. У меня были мужчины. Или один, или десятки. Кто они? Что значили в моей жизни? Я ничего не помню!

– Я бы полжизни отдала, чтобы не помнить свое прошлое. Своих мужчин. Не волнуйся, их не было у тебя много.

Это было как пощечина. Словно, она говорила мне, что у таких как я и так мало шансов. Мне, типа, нечего вспоминать. Ее всегда хотели – красавицу, умницу, блондинку и РОДНУЮ ДОЧЬ... а я просто милая Маняша, которой можно сесть на голову и свесить ноги. От которой можно все скрывать, вешать лапшу на уши и манипулировать ее чувствами.

– А у тебя их было так много, что ты просто не можешь забыть из-за количества?

В этот момент я пожалела о своих словах, но было поздно. Позже я начну анализировать, когда именно я стала сжигать все мосты за собой.

– Я все равно узнаю рано или поздно.

– Узнаешь. Но не от меня, – я видела, что причинила ей боль своими словами, что от меня она такого не ожидала. Так пусть ожидают, я больше не та дурочка, к которой все они привыкли.

– Почему?

– Я дала слово молчать.

Я подошла к сестре и схватила ее за плечи.

– Кому ты дала слово? Зачем?

Она сбросила мои руки и вышла из комнаты. Я была уверена, что Крис мне этого не простит. Но в тот момент мне было все равно. Я схватила сумку и выскочила из дома, как ошпаренная. Мне нужно было побыть одной, срочно поработать, отвлечься. Мне нужна была встряска, и я ее получила. Потому что едва я спустилась с порога, к ограждению подъехал черный Мерседес с затемненными стеклами, и ворота распахнулись, пропуская гостя внутрь. Сердце пропустило всего один удар, и я бросилась к своей машине.

– Торопишься, Марианна?

Как странно звучало мое имя, когда его произносил Николас Мокану. Словно, даже оно несло сложную смысловую нагрузку. Ощущение, что все совсем не так просто, как мне казалось раньше, превращалось в твердую уверенность.

– Да, тороплюсь. На работу.

Он засмеялся, и я невольно разозлилась.

– Почему ты смеешься?

– Потому что ты никогда там не работала, Марианна, – ответил он, и у меня все внутри похолодело. Что еще он обо мне знает?

– Отец сказал...

– В тот момент он говорил все что угодно, чтобы уберечь тебя от волнений.

Что ж, я готова в это поверить.

– Если ты приехал к Крис, то ее нет. Они с Габриэлем уехали... куда не сказали.

– Я приехал к тебе.

Не скажу, что я удивилась. Последнее время я удивлялась все меньше. Между мной и этим человеком что-то происходило в прошлом, и эта недосказанность висела в воздухе.

– Зачем?

– Ты ведь хочешь все вспомнить, малыш? Я могу тебе помочь.

Наверное, я должна была обрадоваться, но вместо этого по коже побежали мурашки. Потому что он совсем не похож на того, кто хоть что-то в этой жизни делает бескорыстно. Он преследует иные цели. Какие? Мне почему-то не хотелось об этом знать.

– Я вспомню... не думаю, что ты можешь мне в этом помочь.

Я пошла вперед, к машине, стараясь не оборачиваться.

– Я могу отвезти тебя в те места, где ты любила бывать. Память странная штука, Марианна, она может вернуться от самого незначительного воспоминания. Я покажу тебе твое прошлое, ты ведь этого жаждешь. Ведь никто из твоей семьи не торопится дать тебе хотя бы одну зацепку. Я дам тебе тысячи, клянусь.

Я остановилась. Внутри поднималась непреодолимая волна любопытства и пугающее осознание того, что он и правда много обо мне знает. А еще, его слова, они были сказаны таким тоном, от которого сердце пустилось вскачь. А его «клянусь» прозвучало как заклинание.

– Последний шанс... я сейчас уеду и больше не предложу тебе быть добровольным гидом по твоему прошлому.

Я резко обернулась и увидела в его синих глазах искорку триумфа. Подлец даже не сомневался, что я соглашусь. Подошла к нему вплотную.

– Хорошо... допустим, ты такой милый и добрый, что хочешь мне помочь. Зачем это тебе?

– Нет, я не милый, Марианна, не добрый. Я такой, каким ты меня чувствуешь, и твоя интуиция тебя не обманывает.

А каким я его чувствую? Опасным. Непредсказуемым. Сексуальным. Животным.

Я посмотрела на его лицо, такое порочно-красивое, и на мгновение забыла о возможности вздохнуть.

– Зачем это мне? Ты не согласишься в это сейчас – но я хочу, чтобы ты вспомнила. Наверное, больше, чем ты сама.

Синие глаза на секунду потемнели, и я увидела в зрачках свое отражение. Его энергия обволакивала, одурманивала. И я внезапно спросила, сама не веря в то, что это возможно:

– Мы были друзьями?

В этот момент он захохотал, я даже вздрогнула от неожиданности. Его смех звучал оскорбительно, потому что он смеялся надо мной.

– Никогда, – сказал он тихо, глядя мне в глаза, проникая под кожу, – Мы никогда не были с тобой друзьями.

Истинный смысл этих слов был известен ему одному. Меня же он пугал. Но я уже не могла дать задний ход. Я хотела узнать, пусть он покажет, если никто другой не хочет. У меня нет выбора.

– Значит, не были... я так и думала. Не важно, какие у тебя мотивы или цели, но я хочу принять твою помощь. Только с одним условием.

Он явно был удивлен.

– Например?

– Не называй меня «малыш», мне не нравится.

Он перестал улыбаться, мгновенно, будто кто-то невидимый стер с его лица былое веселье, нажал незримую кнопку, и между нами появилась стена отчуждения. Меня это устраивало на данный момент больше, чем его издевательский смех.

– Поехали, Марианна.

Я забралась на переднее сидение, как уютно в его машине. Мне нравился запах внутри нее, и когда он включил музыку, я поняла, что уже слышала ее, наверняка не раз. Это, как дежавю. Вы точно знаете, что это уже было. Я сидела в его машине, я слушала эту музыку. Раньше. Но ведь Ник сказал, что мы не были друзьями. Тогда кем мы были? Врагами? В это хотелось верить, это больше похоже на правду. Почему именно он хочет, чтобы я все вспомнила. Только он из всего моего семейства?

– Куда поедем вначале? Распоряжайся. Сегодня я твой таксист.

Он повернулся ко мне и подкурил сигару, снова на пальце блеснуло обручальное кольцо. И меня вдруг пронзила внезапная мысль «Почему никто не говорил со мной о Нике? Ни Крис, ни Фэй, ни отец? Никто и никогда не упоминал его имя при мне, не рассказывал о нем семейных историй. И я за все полтора месяца знаю столько же, сколько и в первый день, когда его увидела. За исключением того факта, что мы не родственники»

– Туда, где я любила бывать раньше. Ты сказал, что знаешь все места, которые мне нравились.

Ник вдруг резко наклонился ко мне, и снова почувствовала этот запах, головокружительный, сводящий с ума, я не удержалась и сделала глубокий вдох. Он пристегнул меня ремнем безопасности и откинулся на сидение. Мы сорвались с места на бешеной скорости. Мокану вел машину как дьявол, выскакивая на встречную, обгоняя, словно играючи. Я вжалась в сидение и крепко держалась за поручень. Но уже через несколько минут я поняла, что мне нравится этот темп, адреналин. Я рассматривала Ника, пока думала, что он внимательно следит за дорогой. Неужели бывают такие лица? Все черты

высечены, идеальны, безупречны. Скулы, нос, подбородок с легкой щетиной. Его волосы, собранные сзади в конский хвост, сильная шея. Рубашка небрежно расстегнута на груди, и я вижу его гладкую кожу и мышцы. Я не могла оторвать от него взгляд, несмотря на все противоречивые чувства, которые испытывала. Такой мужчина впечатывается в память, как клеймо. Могу себе представить, как на него реагируют женщины. Сколько сердец разбито. Сколько вен перерезано. И он об этом знает. Это как раз тот случай, когда самоуверенность внушает и раздражение, и восхищение одновременно. Самец. Хищник.

– Я начинаю дымиться, ты прожгла меня насквозь, – Ник крутанул руль вправо, и мы свернули на площадь. Я тут же отвернулась.

– Пыталась вспомнить тебя и... ничего. Прости, что уставилась.

– Да, ладно. Женщины часто меня рассматривают. Я привык.

Наглец. Машина выехала за город, и он прибавил скорости. Снова закурил.

– Много куришь... это очень опасно.

Он снова смеялся, а я не понимала, что смешного сказала сейчас.

– Опасно для кого? – спросил он и обернулся ко мне. Если бы не эти искорки искреннего веселья, я бы могла заставить его остановить машину и высадить меня прямо сейчас. Но его настроение передавалось мне. Он заражал, как мрачностью и страхом, так и весельем. Тем более, черт возьми, от его улыбки мертвые воскреснут.

– Для тебя, наверное, и для меня, так как я этим дышу.

– Ты права, для тебя я опасен, но только не запахом сигарет.

Он затянулся дымом, и я вдруг подумала, что это чертовски сексуально смотрится. Боже, почему я постоянно думаю о сексе рядом с ним. Все сводится только к одному. Все мои мысли. Как по заколдованному кругу. Крис сегодня сказала, что в моей жизни был только один мужчина. Кто он? Я когда-нибудь об этом узнаю? Вспомню? Кто взял мою девственность? Я любила его? Если да, то

почему мы расстались?

Я задумалась и не заметила, как мы приехали. Он привез меня... нет, мне не кажется – на ипподром.

Я любила лошадей с детства, моей мечтой было иметь целую конюшню и разводить этих благородных животных. О, да... Ник, несомненно, знал об этом, иначе не привез бы меня именно в это место.

– Здесь ты бывала чаще всего.

Я готова была в это поверить. Охранник вежливо поздоровался, пропустил нас внутрь. По полю бегал черный жеребец. Великолепный, блестящий и лоснящийся на солнце. Я невольно им залюбовалась.

– Он прекрасен... о, боже... он великолепен!

– Он твой.

Я повернулась к Нику:

– Мой?

– Да, он твой. Ты получила его в подарок. Позови его.

Но я не успела этого сделать, жеребец меня заметил, радостно заржал и бросился ко мне сам. Через несколько минут, он тыкался теплым носом мне в щеку, трогал меня шершавыми губами.

– Его зовут Люцифер. Он любит тебя.

Что-то в нотках его голоса изменилось, я не понимала, что именно, это как легкая грусть или сожаление.

– Кто подарил мне Люцифера? – спросила я и погладила животное по гриве.

В этот момент сотовый Николаса зазвонил, и он ответил, продолжая смотреть на меня.

– Да, я понял. Подпиши договор, а его пока в подвал, до суда. Хорошо, я лично проведу допрос. Я освобожусь через час. Ничего без меня не предпринимать.

– Прости... бизнес... дела семьи. Ты хочешь прокатиться?

– Ты не ответил на мой вопрос – кто подарил мне Люцифера? Отец?

– Я отвечу на этот вопрос позже, можно? Давай я покажу тебе одно место.

Значит, не хочет говорить. Ладно. Я вернусь к этому вопросу позже. Через несколько минут нам оседлали двух жеребцов, для меня Люцифера, а для Ника – Быстрого, каштанового красавца с длинной светлой гривой. Наверное, в тот момент я перестала думать о прошлом. Я, впервые за эти месяцы, почувствовала себя счастливой. Удивительно, но мы с Люцифером чувствовали друг друга, как единое целое. Я управляла им с легкостью, одним движением или ласковым словом на ушко. И я помнила, как им управлять. Если мое тело помнит, почему моя голова отказывает мне в этом, мое сердце молчит, моя душа, словно в колючей клетке, и я боюсь себя саму и окружающий мир? Ник молчал, он следовал рядом, давал мне мое пространство и возможность думать. Жеребцы сами вывели нас к берегу озера и остановились. Эта дорога была им знакома. Обоим. Но если я ездила только на Люцифере, то кто катался на Быстром? Кто сопровождал меня к этому озеру настолько часто, что животные сразу пришли сюда?

Боже, чем больше я узнаю, тем больше вопросов появляется. Ник спешил и, не спрашивая, снял меня с коня. Когда он крепко сжал мою талию, у меня все поплыло перед глазами. Секундная реакция на прикосновение, но мощная, как удар током в двести двадцать. По венам, по нервам. Невероятное ощущение. Я замерла. Не знаю, сколько это длилось, потому что Николас замер вместе со мной. Что-то происходило. Я не знаю, что именно, но этот момент имел какое-то странное значение. И я почувствовала это кожей. Как и его взгляд. Он изменился, словно вдруг передо мной появился совсем другой человек. Я невольно посмотрела на его губы, и в животе заныло, пересохло в горле. Дикая реакция плоти. Неконтролируемая. Мне захотелось его поцеловать, это было естественным, как дышать и как то, что я находилась здесь именно с ним. Как

то, что он снял меня с коня, скорее автоматически, потому что это уже было... когда-то. Я испугалась. Дернулась в сторону.

– Я хочу уехать.

– Почему? Тебе не нравится здесь?

Мне не нравится, что ты слишком рядом... слишком меня волнуешь... меня это пугает.

– Марианна, посмотри на меня. Что ты вспомнила?

– Ничего. Совсем.

– Ты лжешь!

В эту секунду его глаза потемнели, и он двинулся в мою сторону.

– Ты что-то почувствовала, в эту минуту.

Да я почувствовала, и мне это не нравилось, я пришла от этого в ужас.

– Не подходи ко мне, я хочу уехать. Сейчас.

Ник остановился в нескольких шагах, он внимательно смотрел на меня.

– Ты боишься?

Да, я его боялась. Почему? Я не могла этого объяснить. Я внезапно подумала, что если подпущу его ближе, моя жизнь превратится в безумие. И самое страшное, я почувствовала, что так и было... в прошлом. Этот человек... он что-то сделал со мной. Я его боялась... каждой клеточкой своего тела. Но к страху примешивалось возбуждение. Меня влекло к нему непреодолимо и требовательно и в тот же момент отбрасывало, как можно дальше.

– Нет, я не боюсь тебя, Николас. Я просто хочу уехать. У меня болит голова.

Он усмехнулся.

– Раньше ты никогда не лгала.

– Я не знаю, кем я была раньше.

– Я помогу вспомнить.

– Не нужно, я сама.

Он сделал еще один шаг в мою сторону, и я бросилась к коню, вскочила в седло и пришпорила Люцифера. Он догнал меня через несколько секунд. Поравнялся со мной.

– От кого ты бежишь, Марианна? От меня или от себя?

Я резко повернулась к нему.

– Я не помню, кто ты. Я не помню, что между нами было. Ты сказал, что мы были врагами, почему я должна тебе доверять?

Он взял поводья Люцифера и заставил его идти медленнее.

– Мы не были врагами...

Господи... пожалуйста... не нужно продолжать.

– Люцифера тебе подарил я. Мы были...

– Я не хочу этого знать! – вырвалось неожиданно в паническом приступе дикого страха.

В этот момент я пришпорила жеребца с такой силой, что он взвился на дыбы и помчался в сторону дома. Слишком быстро.

Слишком стремительно, я с трудом справлялась с ним и вдруг выронила поводья. Люцифер неся прямо на высокое ограждение. Мы уже не могли свернуть, и я в страхе закричала, придавила гладкий круп коленями. Но Люцифер не слушался, через секунду он попытается взять высоту в полтора метра, и я инстинктивно понимала, что это невозможно, но и другого выбора на такой скорости просто нет:

– Давай это сделаем, миленький, – шепнула ему на ухо, – Давай!

И Люцифер смог, приземлился мягко, как облако, и я от ужаса вцепилась в его гриву.

Конь остановился, перебирая копытами, заржал, тряхнул гривой, а я все еще прижималась к нему лицом и чувствовала, как пульс зашкаливает прямо в горле. Я спешила, и в этот момент раздался выстрел. Конь рухнул на бок и, захрипев, дернулся в конвульсии, и замер. Он был мертв... всего секунду назад его сердце билось у меня под ладонями, а сейчас его карие глаза смотрели мне прямо в сердце с любовью и немым укором.

Я повернула голову и увидела, как Николас опустил пистолет.

– Зачем? – я в ярости, задыхаясь от слез, бросилась к убийце, но он схватил меня за руки, прежде чем я успела его ударить.

– Зачем ты убил его??? Зачем!!! – закричала я, глядя в его черные, непроницаемые глаза. И вдруг поняла... затем, чтобы причинить мне боль. За то, что я сбежала. За то, что я его не помню. Во мне всколыхнулась ненависть, она растекалась по венам как яд.

– Он мог убить тебя! – ответил Ник и выпустил мои руки. Я смотрела на него и с ужасом понимала, что он не сожалеет. Ни капли. Он только что застрелил на моих глазах несчастное животное... и ему наплевать.

– Но ведь не убил! Господи, что ты за чудовище? – мой голос сорвался на рыдание.

Ник сунул пистолет за пояс.

– Я отвезу тебя домой.

– Я никуда с тобой не поеду, вызови такси, – я склонилась к Люциферу, нежно поглаживая его между ушами. Закрыла его человеческие глаза, они разрывали мне душу. Мое сердце останавливалось от жалости, я задыхалась.

– Поедешь! – сказал отрывисто, хлестко, как удар плетью, мне не верилось, что я это слышу, – Я привез тебя. Я и увезу.

Я посмотрела на него снизу вверх и стиснула челюсти.

– Ты...

– Убийца, – закончил он, – Убийца взбесившегося животного, которое чуть не погубило тебя. Если конь, особенно, такой как Люцифер, однажды не послушал хозяина, он сделает это снова.

– Он послушал, я сказала ему прыгать! Я!

– Это уже не имеет значения, – ответил Ник и рывком поднял меня с земли, – Поехали, ты хотела домой.

– Лошади – они, как люди! Как ты мог? Если бы это был человек, ты бы так не поступил! А животное...

– Ты думаешь, не поступил бы? Ты ошибаешься.

Я выдернула руку и с ненавистью посмотрела в его красивое лицо. Что бы там между нами не было в прошлом, я не позволю, чтобы это повторилось.

– Не прикасайся ко мне. Держись от меня подальше.

Ник привез меня домой, я выскочила из машины и помчалась к дому. Я взбежала по ступеням вверх, толкнула дверь своей спальни и зарыдала, прислонившись к ней спиной. Потом схватила хрустальную вазу и в ярости ударила ею об стол. Огромный осколок впился мне в ладонь. Размазывая слезы, я достала стекло и отшвырнула в сторону. В этот момент я застыла, глядя на рану, она затягивалась... боже, она затягивалась у меня на глазах.

Глава 7

Здесь все начиналось. Здесь Влад увидел ее впервые. Воспоминания заставляют страдать человека, вампиру же они причиняют адскую боль. Почти на физическом уровне. То, что помнит человек, является смазанным образом из прошлого. Вампир же «видит» в прямом смысле этого слова все, что происходило раньше. Он может воспроизвести картинку до мельчайших деталей, включая запахи и звуки. Влад шел по тропинке, той самой, по которой когда-то, двадцать пять лет назад, бежала в ужасе Лина. Невероятно, но он помнил даже звук ударов ее сердца и дыхание страха. Его любовь проснулась уже тогда, вкралась в сердце и поселилась там, даря счастье и сладкую боль от невозможности быть с ней рядом. Двадцать пять лет счастья, понимания, любви. Да, он был счастлив. Они через многое прошли вместе, прошли через самые трудные испытания, выстояли, продержались и окрепли. Когда Лина была человеком, Влад с ужасом думал, что в его вечности ее жизнь лишь короткий миг, когда она выбрала бессмертие рядом с ним, его восторгу не было предела. Он мечтал об этом. Быть с ней рядом всегда. Лина дарила ему покой и уверенность в завтрашнем дне, он знал, что она поддержит любое его решение, любой поступок. Даже смерть отца не подкосила его настолько, насколько потеря любимой. Одиночество страшная штука, оно засасывает, поглощает, уничтожает внутри тепло. Влад никогда раньше не понимал Самуила, его дикой заикленности на Кристине, маниакального стремления скорбеть и помнить всегда. При всех способностях и возможностях короля, Самуил обрек себя на жизнь вечного аскета. Ни одной женщины за полвека. Ни случайной, ни постоянной. Ни одной. Теперь Влад понимал почему. В их сердцах есть место только для единственной. И да, любимые не умирают для вампира, память о них хранится вечно. Ее можно возродить, и жить прошлым. Влад погрузился в воспоминания и не хотел с ними расставаться. Первые два дня он просто бродил по тем местам, где они бывали вместе. «Проживал» их жизнь заново. Час за

часом, день за днем. Мазохистское удовольствие, изысканное и мучительное, погружать себя в пучину боли и наслаждаться ею. Лина прошла с ним все испытания и оставила, когда они закончились. Они могли сейчас жить спокойно вместе, могли править братством, забыв о войнах и распрях. Ему одному это не нужно. Все отошло на второй план, все, что имело значение вчера, стало пустым и ненужным. Он не хотел быть королем, он устал. Смертельно устал от проклятой вечности, от власти. Почему он не может просто стать смертным и уйти следом за ней? Эти мысли посещали все чаще. Соблазн, снять кольцо и предоставить лучам солнца отправить его в царство мертвых, иногда становился невыносимым.

Влад толкнул калитку и вошел во двор. Дом-«музей». Он заботился о нем по ее просьбе все эти годы. Грустно улыбнулся, вспомнив их договор. Тогда Влад пообещал Лине, что дом ее матери всегда будет под присмотром, и он сдержал свое слово. На протяжении всех этих лет скрупулезно проверял, что бы все его указания выполнялись. Лина могла приехать сюда в любой момент, и здесь ничего не изменилось. Все, как и двадцать пять лет назад. Влад прикрыл за собой дверь и поднялся по лестнице наверх. В спальне хранились дневники Кристины. Лина вернула их на место. Там, где они должны были быть. Бывший король сел в кресло и закрыл глаза. Три дня поисков не увенчались успехом. Никаких следов.

Влад перевернул в доме все, но не нашел ничего, что хоть отдаленно могло напоминать то, что он искал. В ярости мерил шагами комнаты часы напролет. В бессильном отчаянии садился в кресло и закрывал глаза.

«Думай. Поставь себя на ее место, ты ведь знаешь ее. Как она мыслила? Куда могла спрятать? Какое место Лина могла считать безопасным?»

Он открывал глаза и смотрел по сторонам – его интуиция молчала. Он был настолько опустошен, как сосуд, в котором не только не стало воды, а она высохла, и сам сосуд потрескался и вот-вот распадется на мелкие осколки.

Двадцать четыре часа, и ни одной зацепки, и даже идеи. Возможно, Лина уничтожила ЭТО. Она могла. Надежда окончательно покинула его, и он решил вернуться домой. Открыл глаза, и взгляд остановился на портрете Кристины,

матери Лины. Он даже вздрогнул от невероятного сходства. Редко дети настолько похожи на своих родителей, или свет так падает из окна? Лина повторила судьбу своей матери, как под копирку. Любовь к вампиру, бессмертие и жуткая гибель. Они с Самуилом обрекли своих женщин на смерть.

Влад не понял, в какой момент в сознании произошел щелчок. ДА! ДА! ДА! Как он сразу не догадался. Только там Лина могла спрятать то, что не хотела, чтобы нашли. Только там, куда кроме нее никто не пойдет. Где даже в голову не придет искать.

Он не ошибся. Она была здесь. Камень все еще хранил ее запах. Он даже «видел», как Лина касается надгробья пальцами, как стоит здесь на коленях и, возможно, плачет, или разговаривает с той, кого никогда не знала. Она спрятала ЭТО здесь. Никак иначе. Никто бы не заметил, только вампир, который различал запахи, следы на пожелтевшей траве, знал, сколько времени в вазе простояли цветы, и даже чувствовал, где земля была присыпана несколько месяцев назад, а где ее не касались годами. Влад безошибочно нашел то место, в котором почва отличалась по запаху и по цвету, и едва он разрыл руками небольшое углубление – увидел картонную коробку. Достал дрожащими пальцами и поставил рядом. Несколько секунд он смотрел на свою находку. Не решаясь взять. Лина не хотела, чтобы это кто-то нашел. Даже он. Может быть, стоит проявить уважение и не трогать? А если хотела? Ведь знала, что от него ничего не утаить, ведь рано или поздно он бы все равно узнал о ее тайнах. Влад решительно взял коробку в руки и открыл крышку.

Письма. Десятки писем перевязанных лентой. Некоторые пожелтевшие, некоторые более свежие. Без адресата. В чистых конвертах. На секунду сердце пропустило несколько ударов, и снова возникло непреодолимое желание зарыть эту тайну обратно в могилу и не прикасаться к тому, что не было предназначено для него. Это как воровать что-то у близкого. Но он не выдержал. Желание прикоснуться к ее прошлому, к тому, чем она жила, к сокровенному, на которое он, как оказалось, не имел права, было столь сильно, что заглушило доводы совести. Влад сел в траву и открыл первое письмо. Медленно, касаясь бумаги, осторожно вскрывая конверт, он достал пожелтевший лист. В душе... в тот момент он еще надеялся, что эти письма предназначались ему. Но едва лишь прочел первую строку и побледнел, резко отложил письмо и судорожно стиснул челюсти. Ему потребовалось несколько минут, прежде чем он смог продолжить чтение.

« Ник... ты никогда не прочтешь эти строки, потому что я никогда этого не позволю. Никто не прочтет. Возможно, даже не стоит их писать. Но только так мне становится легче. Только так я могу сбросить груз вины, тайны и угрызений совести. Ты сейчас далеко, с израненной душой и разбитым сердцем. Это я его разбила. Я знаю об этом. Я сделала свой выбор, и он самый правильный. Жалею ли я? Не знаю. В моменты счастья, в моменты, когда смотрю на моего мужа, я ни сколько не сомневаюсь в своих чувствах, но когда остаюсь одна... боже, когда я остаюсь одна, меня сжирают демоны воспоминаний. Я думаю о тебе. Я так часто думаю о тебе, что, наверно, привыкла к этой боли и сожалению. Иногда... да... иногда я мечтаю или представляю, как бы повернулась моя жизнь, если бы я уехала с тобой из Брана. В тот самый день, когда ты приехал вызволить меня от разъяренного Влада, который не мог простить нам обоим того, что произошло между нами. Была бы я счастлива с тобой? Тогда я в это не верила, но с каждым днем, когда тоска по тебе въедается мне под кожу, я начинаю думать иначе. Любовь Влада, как тихая гавань в штиль, она несет спокойствие, уверенность в завтрашнем дне. Твоя любовь сжигает, выворачивает нервы, она похожа на шторм, водоворот. И мне хочется утонуть. Невероятно, но я не так счастлива, как мечтала и хотела. Нет, я люблю Влада, люблю очень, но это такая странная любовь, она заставляет улыбаться и безмятежно смотреть в будущее. А моя любовь к тебе сводит с ума, заставляя снова и снова вспоминать твои поцелуи и объятия. Один единственный раз мы были вместе, всего две недели провели вдвоем, и при этом беспрестанно ссорились, и горечь утраты не давала мне взглянуть на тебя другими глазами. Но за эти две недели я прожила целую жизнь. Я дышала, я была живой, чувствительной, как оголенный нерв, и только с тобой я познала адские муки ревности. Ты чувствовал это. Ты об этом знал. Знал, когда я отталкивала тебя, знал, когда не писала тебе долгие годы, когда отказалась от тебя. Меня мучило чувство, что я хочу иной любви, вот такой, испепеляющей. Ты бы не простил мне измену, не простил другого мужчину, и это ты. Он простил. Я люблю его за это и ненавижу. Не знаю, как объяснить, но это граничит с презрением. Боже, что я пишу... как же это все ужасно и сложно.

Мне нужно с этим жить, а я плохо справляюсь. Вот, пишу тебе сейчас и боюсь, что кто-то узнает. Да, трусливо боюсь разрушить свою жизнь, свое спокойствие, свою уверенность. Боюсь, что Влада это оскорбит и рассорит вас еще больше, а я так мечтала, чтобы ты помирился с ним и вернулся в семью. Никто не знает. Никто кроме Фэй, которая видит мои мысли и чувства, но она деликатно молчит. Прости меня за малодушие, за трусость и за выбор легкого пути. Я надеюсь на

исцеление. Я люблю тебя... Я люблю вас обоих. Как мне жить с этим? »

Влад смял письмо, его лицо стало пепельного оттенка, на коже проступили и вздулись вены. Он вскочил с травы и согнулся пополам. Его тошнило. Земля под ногами вертелась, как при землетрясении. Из горла вырвался стон, похожий на хрип, а хотелось орать, выкорчевать все деревья на проклятом кладбище, сжечь его дотла. Он стоял возле коробки несколько часов. Не пошевелившись, как камень. С открытыми глазами и стиснутыми челюстями. Первым порывом было разорвать и забыть. На мелкие клочки. Не читать дальше, не смотреть. Заставить отключить все эмоции. Просто вычеркнуть это из памяти. Но он не смог. Видел десятки конвертов, и голова кружилась от сознания того, что она продолжала писать. Годами. Каждый год по письму. Ровно двадцать четыре письма. В один и тот же день календаря. Эта дата что-то для нее значила, и Влад посчитал, с его мозгами математика и стратега это было просто. Нет, он не мог вычислить с такой точностью, но он знал, что это за день, а точнее ночь, и от этого становилось еще хуже. Лина не просто помнила о своей измене, она не жалела. Она хранила эти воспоминания, как драгоценность, спрятав от чужих глаз. Влада снова затошнило. Дерьмо... проклятое дерьмо. Все эти годы. Все дни и ночи, что они провели вместе, ее сердце всегда принадлежало ему лишь наполовину. Она их сравнивала. Дьявол... даже тогда, когда Ник женился... даже тогда, когда знала, что в его сердце уже нет для нее места, она все еще любила. Влад жил с женщиной, о которой не знал ничего. Не понимал, о чем она думает, не видел ее душу. Видел только то, что хотел видеть. И он не смог заставить ее забыть. Чертовых двадцать четыре года. А ведь Влад ее любил. Никогда и никого, ни одну женщину он не любил настолько сильно и самоотверженно, как Лину. Он готов был простить ей все. Смерть Витана, простить отчуждение и желание развестись, простить грубость. Он был тряпкой. Собачкой. Да, любимой и дорогой. Но всепрощающей. Бесхребетным придурком, который считал, что он самый важный и главный в ее жизни. Сколько раз в постели она отстранялась. Сколько раз он видел ее задумчивый взгляд. Да, она всегда была рядом. Но правильно ли это? Любила ли она его? Скорее всего жалела, уважала, но это не та любовь, о которой он думал. Это холодная любовь, ее она не грела, не сжигала.

Он привез их домой в Бран и, осушая бутылку бранди за бутылкой, прочел все письма. От корки до корки. Все двадцать четыре письма, и с каждой прочитанной строчкой его сердце леденело, кусок за куском, покрывалось инеем. И самое страшное, он не мог ее за это ненавидеть, он опять не мог ее

презирать. Влад презирал только себя. Неужели он ничего не замечал? Как она уехала к Нику и вернулась, плакала в его объятиях, а сама всего лишь несколько минут назад предлагала брату стать ее любовником? Идиот, он еще просил у нее прощения. Жалкий, ничтожный идиот. Ник проявил благородство, Ник не захотел ее и выставил за дверь. А не наоборот. Если бы захотел, что тогда?

Это не было ревностью. Это было полным опустошением. Все годы вывернуло наизнанку, и каждое слово, и поступок обрели иной смысл. Да, Лина хранила верность. Но кто знает, хранила ли она ее, потому что это было ее решение, или потому что Ник разлюбил ее и с ума сходил по Марианне? Если бы брат все же... Ответ напрашивался сам собой – она бы не удержалась. Лина никогда не принадлежала ему до конца и никогда не любила его настолько, чтобы забыть о Нике. Вот почему на ее лице застыло то выражение облегчения и легкости, в ее мертвых глазах читалось успокоение – она устала. Смертельно устала от своих чувств и от него... от Влада. Смерть стала избавлением. Она получила свободу. Гребаную свободу, а его погрузила в бездну. Ни словом, ни действием она не выдала себя за все эти годы. И это хуже, чем нож в спину, это больше, чем предательство – это осознание и переосмысливание своей жизни. Того куска, который, пожалуй, был самым лучшим за его вечность. И дело не в прощении, дело не в измене, которую он смог забыть. Дело в том, что это хуже измены. Это ее мечты, ее желания, ее фантазии. В них не было места для Влада, они принадлежали Нику. Всегда. Каким хладнокровием нужно было обладать, чтобы скрывать это столько лет. Влад не верил, что любить можно двоих. Так не бывает. И Лина тоже об этом знала. Тогда почему все же выбрала Влада – а потому что он другой. Тогда хорошо, что она умерла. Глаза короля сухо заблестели. Потому что, если бы Лина все еще была рядом, она бы страдала. Она бы продолжала писать эти письма и сожалеть о том, чего не было. Рано или поздно это привело бы к краху их отношений. Как долго еще можно было скрывать? Разве это честно по отношению к ним обоим?

Последнее письмо написала всего лишь три месяца назад. Дьявол, она описывала все свои чувства, как на ладони. В тот момент, в вертолете, когда они все летели в Чехию, и она штопала Николасу плечо... проклятье... как больно. Влад сидел рядом и смеялся вместе с ними, а Лина... она в тот момент прикасалась к Нику и сходила с ума. Это чудовищно. Но самое страшное – он не мог ее ненавидеть, он все равно тосковал по ней, только в сердце образовалась пустота, болезненная, ржавая дыра. В нем умерли воспоминания, которые больше ничего не стоили.

Фэй открыла глаза, и в них застыли слезы.

– Прости, что позволила тебе их найти, но ты обрешь свободу. Я избавила тебя от страданий. Очень больно, очень быстро. Но ты найдешь теперь в себе силы жить дальше, начать сначала. Ты больше не будешь хотеть уйти вместе с ней. Вы отпустили друг друга. Прости, Лина... прости, что отдала твою тайну, но ты в царстве мертвых, а он должен вернуться к жизни. Эти письма самый бесценный дар, который ты смогла ему подарить – ты вернула ему самого себя. Он свободен.

Она смахнула слезу со щеки и тяжело вздохнула. Тяжело осознавать, что тот, кто был столько лет рядом, на самом деле любил кого-то другого. Все это время они с Линой ни разу об этом не заговорили. Фэй виновата в этом. Она изменила их судьбу, она вывернула будущее иначе, чем должно было быть, потому что знала – с Николасом Лина счастлива не будет. Потому что так было нужно для братства. Братья должны были сплотиться, а не рассориться из-за женщины. Лина должна была родить Кристину, а не превратиться в жалкое существо, зависимое от Ника. С ним ее ждало плачевное будущее. Фэй это видела. Она заставила судьбу сложиться в иную картинку. И это получилось, но она не смогла заставить Лину забыть. Так же, как не смогла заставить забыть Марианну Криштофа. Жить с тем, чье сердце принадлежит другому – страшная участь. Фэй испила ее до дна. Влад все же прибывал в счастливом неведении. Ей же выпало знать о чувствах мужа к другой. Криштоф всегда любил только одну женщину. Но он смог сделать Фэй счастливой. Ненадолго. Но это кусок ее жизни, и она ни о чем не жалела. Влад придет в себя. Пройдет все круги ада и обретет свободу. Он достоин лучшей участи, чем пойти вслед за женой. Он король, и рано или поздно ему придется вернуться к своим обязанностям. Тем более Фэй знала, что скоро их ждут большие перемены. Бомба замедленного действия уже тикает, и она взорвется. Пострадают все. Без Влада они не справятся. Он должен вернуться домой. После того, как пройдет свою меру боли. Потому что с Николасом никто кроме него не справится. Даже Фэй. И никто не предотвратит того, что ждет их в ближайшем будущем. Это страшнее войны. Это страшнее ядерного взрыва. Фэй не может это остановить или изменить, она может только смотреть со стороны. Еще одно вмешательство грозит ей смертью. У Чанкра нет права на ошибку, и Верховный Суд не пощадит ее. Их всех ждет кара за то, что посмели изменить ход событий и привели прошлое в настоящее, прорвали временной барьер и лишили царство мертвых законного баланса. Оттуда не возвращаются, черная бездна мертвецов потребует новую жертву, а

возможно, и несколько взамен той... Взамен Анны, которая спокойно растет в доме Дианы и Мстислава и не знает, что из-за нее их всех ждет кара. Каждого, кто принял участие в ритуале, на который не имели право. Нарушили баланс. Жизнь семьи сильно изменится. Каждого из них. Перевернет души, сломает характеры. Все демоны ада обрушатся на головы тех, кто посмел вмешаться в естественный ход событий. Это уже началось. Марианна первая, за ней последуют другие.

Глава 8

Проклятье... ну как он не сдержался? Это какое-то наваждение. Контроль уплывает из рук, из головы и из сердца. Ник в ярости швырнул бутылку виски о стену, и темная жидкость залила обои, растеклась по полу, как лужа крови под тем самым конем. Он не мог пить. Это притупляло восприятие, и он боялся себя пьяным. Он знал, на что способен зверь, живущий внутри, и какой голод одолевает это чудовище, которое наконец-то начало получать пищу из отчаянья, боли и дикого желания обладать. Алкоголь развяжет его, даст ему волю, и разум потонет в жутких болезненных эмоциях, с которыми он не в силах справиться. Он пожалел, что убил Люцифера. Пожалел в тот момент, когда увидел ее глаза. Нет, ненависть его не пугала. Он к ней привык, он ее любил даже больше, чем любовь, потому что ненависть одна из самых чувственных и ярких эмоций, на ней можно раздуть пламя. Его испугала ее боль. Пока испугала, но Ник слишком хорошо себя знал. Ведь в какой-то мере он всегда питался болью. Собственной, чужой. Она как наркотик. Поначалу пугает, потом к ней привыкаешь, а потом без нее уже трудно обходиться. Сочетать в себе удовольствие садиста и мазохиста одновременно. Но ведь он поклялся, что больше не обидит. Да, поклялся Марианне, которая его любила, но не этой чужой, которая уплывает из его рук, как недостижимая мечта. Он не отпустит. Никогда. Не отдаст ее никому. Марианна принадлежит ему, и он заставит ее вспомнить, если не вспомнит – значит, полюбит снова, если не полюбит, значит, возненавидит, но не уйдет. Чертовый жеребец. Дерьмовое дежавю. Такое уже было. Марианна, именно на этом коне пыталась сбежать от него много лет назад. Он не позволил. Точно так же, как и сейчас. Он мог остановить ее. Доли секунды, и Ник уже внушил бы животному успокоиться. Но ведь Марианна не знала, что за способности есть у вампира. Не знала о его сущности. Неизвестно, что больше отвратило бы и напугало – Ник-вампир или Ник-убийца? А разве это не одно и то же? Он хищник,

и это у него в крови, это его сущность, этап в пищевой цепочке. Марианна в прошлом понимала это и принимала. Она утмирила зверя, Ник даже поверил, что он может быть другим. Годы без крови из вены, годы без убийств и чужой боли, без безудержного секса с кем попало и наркотиков. Для нее он мог оставаться таким вечно. И он нравился себе другим. Это как избавиться от тяжелой болезни, но постоянно принимать лекарство, запасы которого уже на исходе. Пришлось выбирать меньшее из зол. Хотя он лжет самому себе. Он хотел эмоциональной разгрузки, и боль, причиненная ей, принесла это короткое облегчение. Да, на секунды, на минуты – но принесла. Потом пожалел. Но уже было поздно.

Больше всего раздражало, что он чувствовал ее томление, мысли, тягу к нему на подсознательном уровне. Еще минута, и он бы сжал ее в объятиях, овладел ею прямо там – в высокой траве на берегу этого озера, где они не раз предавались любви. Он бы заставил ее вспомнить или привязал бы к себе. Перейти на новый уровень. Вот чего он жаждал в ту минуту. Проломить барьер между ними. Но вместо этого он воздвиг целую стену с колючей проволокой. Марианна смотрела на него с болью, страхом и с ненавистью. Страх. Как давно он не видел в ее глазах страха. Она не боялась его даже после того, что он с ней сделал несколько лет назад, не боялась, когда он злился, не боялась, когда он терял контроль, потому что она его контролировала сама. Управляла им, сдерживала, утмиряла. Той Марианны больше нет. Появилась другая. И эта Марианна распалила зверя, трясла перед ним красной тряпкой, дразнила, пробуждала ото сна. И он, как хищник, шел на приманку, играл с жертвой, предвкушая пиршество плоти. Привез ее домой и еще долго стоял под ее окнами, сливаясь с темнотой. Боролся с непреодолимым желанием влезть в распахнутое окно и заставить ее передумать. В его силах внушить ей что угодно. Марианна почти человек, она пахнет как человек, она думает как человек. Его власть сейчас безгранична – внушить ей что угодно дело нехитрое, но он не хотел. Не такой ценой. Какой угодно, но не такой. Даже насилие над плотью не так противно, как насилие над душой. Ник не знал, сколько времени он простоял под ее окнами, лихорадочно думая, рассуждая с самим собой. Марианна не знает одного – Люцифер так же бессмертен, как и он сам, как и сама Марианна. Конь из дьявольской конюшни самого Вудворта. Монстр, созданный для армии апокалипсиса. Уже сейчас этот хищник получает свою порцию сырого мяса и топчет копытами. Ник приказал вернуть его к жизни. Она получит его обратно. Не сейчас – чуть позже.

В этот момент Марианна выскочила из дома бледная, дрожащая. Она села в машину и уже через несколько минут выехала из поместья. Ник последовал за ней. Его сотовый беспрестанно звонил, мешал, отвлекал, он боялся упустить из вида ее синий «Шевроле». Включил сотовый на громкую связь.

– Снять охрану. Что там, Серафим?

– Ник... он молчит. Ни слова не сказал с тех пор, как мы его взяли.

– Пытайте.

– Но...

– Я сказал пытать. Он долго не выдержит. Никто не способен перенести такую боль. Он будет говорить.

– Влад приказал не давить. Он хотел его в союзники. По-хорошему.

– Влад отдал все полномочия мне. Я твой король, и я буду решать. Меня достал этот тип. Вы будете его пытать. Если не поможет – вы возьмете его жену и детей и будете пытать у него на глазах, и он станет нашим союзником. А если нет – убить их всех. У тебя три дня, чтобы он заговорил. Ты знаешь мои методы, Серафим?

– Знаю, – последовал мрачный ответ.

– Значит, действуй. Мы с тобой в старые добрые времена и не таких говорить заставляли. Мне некогда сейчас. Отчитаешься завтра.

Ник швырнул сотовый на соседнее сидение и свернул в переулок следом за синим «Шевроле». Марина припарковала машину возле нового двенадцатиэтажного здания и быстрым шагом пошла в подъезд. Ник снова протянул руку за мобильным.

– Куда звонила моя жена в последние полчаса? Пробить адреса по всем номерам, которые она набирала. У тебя ровно пять минут.

Он закурил и открыл окно. Король братства следит за собственной женой. Это могло быть смешно, если бы не было настолько горько. Раньше он всегда знал, где Марианна, с кем она. Не потому, что стремился знать. Просто она всегда звонила или посылала сообщения. Сейчас он знал о ней намного меньше, чем когда встретил ее впервые. Через пять минут ему сообщили имя и адрес, и он в ярости швырнул окурки в открытое окно. Проклятье. Поехала к своему старому дружку. Вот дерьмо. Первые отголоски ревности поскребли на душе, оставляя тонкие следы.

– Нам что-то предпринять?

– Нет! Я скажу тебе, когда нужно что-то предпринять, а сейчас просто займись своей работой.

Ник вышел из автомобиля и посмотрел на окна дома. Он мог бы появиться перед ними и закончить все это прямо сейчас. Но Ник поступит по-другому. Еще не время. Пока не время. Как большая пантера вампир взобрался на дерево и затаился на толстой ветке напротив окна на седьмом этаже.

Он достал второй аппарат из кармана и набрал номер. Ему ответили не сразу. Конечно. Ведь Виктор Лазарев встречает гостью. Вот он берет ее сумочку, приглашает в комнату.

Она расстроена, она громко, отрывисто говорит, тяжело дышит, показывает ему свою руку. Девочка расстроена. Начинает догадываться, что с ней что-то не так. Первые симптомы. Возможно, быстро заживший порез или ушиб, который испарился на глазах.

– Да, я слушаю.

– Очень хорошо, что ты слушаешь. Во-первых, отпусти ее руку и не прикасайся к ней.

Виктор в ужасе осмотрелся по сторонам, и резко выпустил руку Марианны.

– Тихо... спокойно. Ты ее напугаешь. Отойди в сторону. Извинись и выйди на балкон. Вот так. Закрой за собой дверь. Ты меня хорошо слышишь, док?

– Да, хорошо.

– Скажи мне, док, ты любишь свою семью? Сестру? Родителей? Собаку?

Ник видел его лицо, оно стало мертвенно бледным, сердце человека гулко забилося, и запах страха достиг ноздрей вампира в считанные секунды.

– По твоей спине катятся капли холодного пота, Вик? Ты воняешь страхом. Она тоже это почувствует. Сделай глубокий вдох и начни контролировать свои эмоции.

– Чего Вы хотите? – хрипло спросил хирург и снова осмотрелся по сторонам.

– Убеди ее, что это бывает. Придумай синдром, заболевание. Мне все равно, что ты ей скажешь. Сделай так, чтобы она тебе поверила и ушла. Сейчас. Я даю тебе двадцать минут разобраться, доктор Лазарев. Через двадцать минут я начну нервничать, а когда я нервничаю, то совершаю очень плохие поступки, док. Очень плохие. Я думаю, ты не хочешь знать, какие именно.

Виктор положил сотовый в карман и вернулся в комнату, сукин сын задернул шторы. Хорошо, у недоноска ровно двадцать минут. Если через это время Марианна не выйдет из дома и не сядет в свою машину – смертный сильно об этом пожалеет.

Вик рассказывал мне о странных синдромах быстрого заживления тканей, о названиях таких аномалий. Я устало откинулась на спинку дивана в его небольшой квартире. Вик был первым, кому я позвонила. Не знаю почему. Я ему верила. Я чувствовала в нем поддержку и сочувствие, а возможно, он был единственным, кого я помнила из всех, кто меня окружал.

– Значит, со мной происходит что-то неподвластное медицине, и ты называешь это нормальным? Я распоролла руку до кости. Рана зажила менее, чем за минуту, я отрезала прядь своих волос, и они отрасли. Вик... ты должен мне помочь. Я не знаю, что со мной происходит, и это ужасно. Я с ума схожу.

Он сел рядом со мной и тяжело вздохнул.

– Все будет хорошо. Ты просто сложно адаптируешься после своего состояния. Возможно, тебе нужен хороший психолог и просто отдых. Много позитива, радости.

Позитива. Какой к черту позитив? Я не помню себя. Я разругалась с Крис. У меня всего полтора месяца назад умерла мама, моего коня застрелил сумасшедший Николас Мокану, и моя кожа срывается с такой скоростью, словно по мановению волшебной палочки. Я не девственница, но я не помню своих мужчин. Меня тянет к тому, кого я боюсь с дикой необузданной силой, и я сижу в комнате своего хирурга, и тот утверждает, что со мной все в порядке. Я истерически захохотала, а потом мой смех перешел в рыдание. Все выплеснулось, все эмоции, отчаянье, накопившиеся за эти дни. Вик обнял меня за плечи и заглянул мне в глаза.

– Хочешь мятное мороженое, мышка?

Мятное мороженое? О боже, он помнит... Поразительно. Да, в тот вечер, когда Вик подвез меня из школы, мы ели именно это мороженое в кафе неподалеку от моего дома, а потом... мы с Виком целовались. Интересно, он помнит только о мороженом?

– Хочу. У тебя есть.

Он кивнул и, взяв меня за руку, пошел на кухню. Через несколько минут мы сидели за кухонным столом и ели мороженое прямо из стаканов. Вик разделил его честно напополам.

– Вик.

– Да, – он улыбнулся, но у меня создавалось впечатление, что он нервничает. Посматривает на часы. Возможно, он ждал кого-то, а я помешала. Свалилась ему на голову.

– Вик, ты женат, у тебя есть девушка?

Он так и не поднес ложку ко рту. Посмотрел на меня загадочными зелеными глазами. Как же мне нравились его глаза. В них мягкий свет и насыщенный

оттенок, как мокрая листва после дождя.

– Нет, я не женат, и у меня нет девушки.

Он таки съел кусочек мороженого и снова посмотрел на часы.

– Ты кого-то ждешь?

– Да, ко мне должен прийти пациент.

– В десять часов вечера?

Он усмехнулся, и мне показалось, что он лжет.

– Да, иногда и ночью. Есть пациенты, которые не могут по некоторым причинам приехать в клинику.

– Значит, мне пора. Спасибо, что успокоил меня. Я просто так устала за эти дни. Наверное, это нервный срыв, и все вывалила на тебя.

Вик не стал уговаривать меня остаться, наоборот, он засуетился, поставил стаканы в раковину и повел меня к двери.

– Да, ты устала. Ты можешь звонить мне в любое время. Прости, я, правда, сегодня занят. Если захочешь поболтать – я отвечу.

Правильно. Лазарев культурно намекал, что между нами ничего нет и быть не может. Ничего не изменилось за эти годы, и я ему не нравлюсь. Внезапно, прямо у двери, он вдруг схватил меня за руку.

– Подожди секунду, не уходи.

Он схватил лист бумаги и быстро на ней что-то написал, подал мне и приложил палец к губам.

«Все, что происходит с тобой – это не аномалия, это процесс. Я не могу говорить. Ни сегодня, ни когда-либо еще. Позвони по этому номеру. Там тебе дадут объяснения. И еще – за тобой следят. Постоянно. Звони не со своего телефона».

– Да, Марианна, до свидания, спокойной ночи.

Он выставил меня за дверь и захлопнул ее перед моим носом. Я перечитала записку снова и вдруг поняла – Вик никого не ждал, он просто боялся. Потому что знал, что за нами наблюдают и нас слышат. Я осмотрелась по сторонам, и мне стало страшно. По-настоящему. До дрожи в коленях. Я смяла бумагу дрожащими пальцами и спустилась на лифте во двор. Я уже знала, как позвонить по этому номеру. С телефона Крис. Его точно никто не прослушивал. Я узнаю чертovy тайны моего семейства, какими бы страшными они не были. Всю дорогу домой меня преследовала мысль, что за мной следят. Я чувствовала это кожей и... как ни странно, я даже догадывалась, кто это.

Глава 9

Я позвонила... Спустя сутки. Конечно, позвонила, потому что в тот момент информация имела для меня значение как воздух, которым я дышу. Я не думала о последствиях. Я вообще чувствовала себя неким куском, оторванным от реальности. Но я даже не предполагала, что сама реальность намного хуже фильма ужасов или триллера Стивена Кинга. Та жизнь, которую я считаю нормальной и настоящей, вовсе не такая, и сама я ненормальная. Хотя я уже вообще затрудняюсь что-либо понимать. Человек, который мне ответил... его голос, он походил на скрип несмазанной двери, у меня даже возникло впечатление, что голос искажают, намерено, чтобы никто не догадался, кому он принадлежит, и самое странное он знал, что я позвоню. Мне назначили встречу. Я потребовала, чтобы она состоялась немедленно, и человек согласился. Но те меры предосторожности, которые он предпринял, заставили меня запаниковать. Невероятно, что кто-то боялся моего визита настолько, что готов был заставить меня кататься по всему городу, меняя водителей и средства передвижения. Но этот кто-то боялся вовсе не меня, он боялся того, кого я могу «привести» за собой. Я добиралась до назначенного места встречи три часа. Последний водитель завязал мне глаза, и я больше не знала куда еду. Но я жаждала

правды. Пожалуй, в тот момент я даже не задумывалась, насколько я рискую. Правда – любой ценой. Когда с моих глаз сняли повязку, я оказалась в помещении. Не жилем. Это явно квартира для встреч подобного рода. Минимум мебели, строго, четко и очень скромно. Но больше всего меня привлек тот человек, с которым я говорила по телефону. Он сидел на высоком стуле за старомодным письменным столом. На вид ему около пятидесяти, но почти седые волосы не скрывали, что раньше он был огненно рыжим. На лице сохранились веснушки, но они больше походили на пигментные пятна. Высокий, очень крупный, с хорошим телосложением. Он располагал к себе с первого взгляда. Мне предложили стакан воды, но я отказалась. Я ждала, когда он представится. Мне было интересно, мы знакомы?

– Александр. Знать мою фамилию Вам ни к чему. Чем меньше Вы знаете, тем лучше для Вас и для нас тоже.

Он произнес слово «нас», как будто имел в виду целую компанию, хотя кроме него в комнате никого не было.

– Значит, мы не были знакомы. Я пришла за ответами на вопросы. Мне сказали, что Вы ответите на них.

– Вам правильно сказали. Я на них отвечу. Даже больше, я отвечу даже на те вопросы, которые Вы не зададите.

Я посмотрела на мужчину и спросила:

– Что со мной происходит? Виктор сказал, что это процесс. Процесс чего?

– Обращения. Вы возвращаетесь в ту сущность, которую имели до комы.

– Сущность? Я не совсем понимаю, о чем вы? Я больна?

Он усмехнулся уголком рта, но глаза остались холодными.

– Для меня – да. Для Вас – Вы здоровее любого человека.

– Человека... Вы так говорите, будто я...

– Не человек? Все верно. Вы – не человек.

Бред сумасшедшего. Куда я попала? К кому отправил меня Вик и зачем? Этот мужчина болен, у него явно выраженная форма шизофрении и мании преследования.

– Тогда кто я, по-вашему?

– О, Вы феномен. Даже среди тех тварей, к которым относитесь.

Тварей? Я не ослышалась? Этот человек только что назвал меня тварью?

– Успокойтесь и дайте мне закончить. Вы пришли за ответами. А кто Вам сказал, что ответы Вам понравятся? Вы хотите узнать свое прошлое – я могу рассказать. Если Вы все же передумали, можете уйти. Никто насильно не держит.

Я глубоко вздохнула и все же сделала глоток воды.

– Не вкусно. Не утоляет жажды, не так ли? Даже хуже, дерет горло, хочется пить еще больше. Ведь это не кровь. Но все же, Вы удивительный вампир, который не погибает без ее употребления.

– Вы вообще слышите себя со стороны?

Он засмеялся, и мне не понравился его смех, похожий на скрип или эхо.

– Вы – вампир Марианна. И все, кто Вас окружают, тоже вампиры. Вся Ваша семья. Почти вся. Целое братство. С кланами и ответвлениями.

В этот момент я точно поняла, что имею дело с ненормальным. Я вскочила со стула, но он вдруг схватил меня за руку, перегнувшись через стол.

– Я первый раз отреагировал так же, как и Вы. Дайте мне доказать Вам. Рано или поздно они бы Вам сообщили, но так, как это удобно им. Исковеркав всю чудовищность, мрак, кровавую сущность убийц. Они бы преподнесли Вам это, как дар небес, и Вы бы поверили. Позвольте мне доказать Вам, что это правда. Я

покажу все материалы, имеющиеся у нас. Все что мы собрали за это время. Без прикрас. Все как есть на самом деле. Вы хотите узнать правду, Марианна?

Я выдернула руку.

– Все, что Вы говорите, бред ненормального. А то, что Вы называете себя «мы» – вообще мания величия.

– Мы – это орден охотников. Орден тех, кто охотится на монстров и чудовищ, таких, как ваша семья.

Все, с меня довольно. Я направилась к двери.

– Вам не интересно, от чего умерла Ваша мать? Вы не хотите почитать реальные материалы о ее смерти, а не ту ложь, которую подкинули журналистам?

Я остановилась и стиснула кулаки.

– Моя мама погибла, Вы сейчас намеренно упомянули о ней, чтобы причинить мне боль.

– Нет, она не погибла – ее убили.

Я резко повернулась к Александру.

– Ложь!

– Правда. От Вас это скрыли. Я могу доказать. Я отведу Вас в свой кабинет, и сможете все прочесть сами, увидеть, убедиться. Я буду ждать Вас здесь. Когда закончите, нам будет, о чем поговорить.

И с этого момента я погрузилась в пучину ужаса, смерти, крови. Я дрожала как осиновый лист, мое тело покрылось мурашками, и каждый волосок на нем поднялся и вибрировал. Досье на всю мою семью. Боже, оно датировано 1651 годом. И это не ошибка. Я видела записи, письма, печати. Роспись моего отца,

которая не изменилась за все эти годы. Фотографии столетней давности, статьи, вырезки из старых газет и убийства, кровавые пиршества, трупы, горы мертвецов. Меня тошнило. Я содрогалась от ужаса, но не могла перестать читать. Сомнений не осталось. Теперь я все понимала. Пазл перестал быть черным, он стал кроваво-красным. Жуткая правда, с подробностями того, что творила моя семья. Королевская. Мой отец – король братства. Он отдавал приказы об уничтожении преступников, отдавал их на растерзание вампирам из низшего сословия, издавал страшные законы, где решал, кому жить и кому умирать. Досье на каждого. В отдельной папке, с уликами, фотографиями, датами. Я с дрожью во всем теле открыла досье мамы. Лина стала одной из них совсем недавно. Всего несколько страниц. Нет преступлений, нет крови. Одно убийство – ликана Витана, мужа Крис. А потом ее собственная смерть от руки его матери Марго. Значит, вот кто убил мою мать – это была месть. Я уже не замечала, как по щекам катятся слезы. Я не понимала, что именно чувствую. Досье на Фэй. Она ведьма... Внутри меня уже не поднималась волна протеста, я онемела. Просто читала, и мой мозг с трудом воспринимал информацию. Я впадала в состояние транса, когда восприятие притупляется, как защитная реакция. А потом я открыла досье на Николаса. Господи, все, что я узнала до этого, просто детский лепет по сравнению с этим монстром, с этим чудовищем и порождением Ада. Самый жуткий из всех вампиров братства. Убийца, который не уважал даже законы отца, пусть и страшные, но все же в какой-то мере гуманные к людям. Как же ловко они маскировались. Видные политики, уважаемые народом, который просто существовал, потому что они позволяли, и был звеном в их пищевой цепочке. Боже, я знала обо всем этом? Я знала до комы, кто они и кто я?

На совести каждого из них реки крови и убийств. Но с Николасом не сравнится никто. Его досье самое обширное, самое жуткое из всего братства. Инквизитор, убийца, палач – все в одном лице. Вот почему я чувствовала страх. Это на уровне подсознания. Я просто знала, что он опасен.

Компьютер выключился внезапно, словно отрубили электричество, а я так и сидела в кресле, все конечности онемели, заledenели, у меня, похоже, пропал голос. Я была в шоке. Сзади слышались шаги, и я знала, что Александр доволен произведенным эффектом.

– Теперь Вы верите?

Я не ответила, я не могла сказать ни слова. Мне было плохо. У меня кружилась голова.

– Я такая же, как и они? – спросила тихо, едва узнавая свой голос.

– Нет, Вы не такая. Пока не такая. Именно поэтому я доверился Вам.

Я резко повернулась:

– Что Вам нужно? Зачем Вы все это мне показали? Вы ведь не могли знать, наверняка, как я отреагирую. Это моя семья!

– Не Ваша. Вы – приемная дочь.

– Что Вам нужно от меня?

Александр протянул мне стакан с водой.

– Выпейте, Вам полегчает.

Я выбила стакан из его рук.

– К черту. Ответьте, чего Вы хотите. Зачем Вы все это показали мне? Почему доверились?

Александр поднял стакан с ковра и поставил на стол.

– Нам нужна Ваша помощь, Марианна. Только Вы можете помочь нам.

– Господи, кто бы помог мне... Вы погрузили меня в ужас... Вы понимаете, что моя жизнь теперь похожа на безумие? Я... я с ума схожу. Мне кажется, что это жуткий сон, нереальный, что все, что со мной происходит – просто фарс, чья-то дурацкая шутка. Почему Вы не дали мне дочитать? Почему выключили?

– Еще не время знать все. Достаточно той информации, что Вы получили. У Вас будет возможность подумать и решить, хотите ли Вы знать дальше или примите

свою новую сущность. Мы храним баланс между миром людей и миром тьмы. Мы не даем его нарушить, и если нужно – мы вмешиваемся. Ваш отец заключил с нами сделку много лет назад. Недавно условия этой сделки были нарушены.

– Но почему Вы думаете, что я стану Вам помогать?

– Потому что Вы не такая. У Вас светлая душа. Вы не стали частью тьмы, несмотря на то, что она Вас окружает. Никто, кроме Вас, не может помочь нам. Особенно сейчас, когда погибла ваша мать..., – голос Александра дрогнул, и я уловила это, если я вообще уже могла удивляться, – Когда власть досталась самому жуткому вампиру всего братства, который погубит и вас, и нас.

– Мой отец... он не такой. Я не верю, я...

Дыхание застряло в горле, и я не могла сделать вдох.

– Не ваш отец. Николас Мокану получил полную власть, сейчас он король братства, и он разрушит баланс, он приведет вас всех к смерти. Вашего отца, сестру, всех кого Вы любите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/soboleva_ul-yana/lyubov-za-gran-yu-7-oskolki-bezumiya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)